

ЕЛЕНА ПИЛЬГУН
АННА ЗАКРЕВСКАЯ

Радуга на сердце

Елена Пильгун

Радуга на сердце

«Издательские решения»

Пильгун Е.

Радуга на сердце / Е. Пильгун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850670-3

Неумолимо поднимается высокое напряжение, и Саламандре, загнанной в угол, ничего не остаётся, кроме как вспыхнуть и сжечь себя без остатка, не дожидаясь смертельного разряда, пущенного неумелой рукой. А может быть, всё-таки случится чудо из чудес, и успеет Буревестник выдернуть измученную ящерку из тюрьмы бетонных стен и выматывающих душу сетей, из которых что ни связь — то плен? Последний тост...

ISBN 978-5-44-850670-3

© Пильгун Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Вместо предисловия	7
Часть 1. Земные странники	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Радуга на сердце

Елена Пильгун
Анна Закревская

© Елена Пильгун, 2019

© Анна Закревская, 2019

ISBN 978-5-4485-0670-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

from: Roman_Razvitsky

to: _thunderbird_

В продолжение нашего с вами разговора высылаю файлы эмоциональной настройки и вербальную базу. Назначение искусственного интеллекта – управление колонией типа «метрополия» на Марсе. Требуемые качества: идеальное следование субординации, высокая стрессоустойчивость, оптимизм, готовность к сотрудничеству (полный перечень технических требований приведён во вложении). Ключ к файлам памяти должен быть предоставлен в единственном числе и открыт исключительно на моё имя. Визуализация искусственного интеллекта не требуется.

Срок: 1 месяц.

Аванс будет перечислен после подтверждения согласия.

Итоговая сумма...

Первое правило фрилансера – бойся дедлайна, как огня.

Тонкие пальцы коснулись сенсорного экрана, отправляя подтверждение. Спустя пару минут счёт исполнителя пополнился на сумму, достаточную для поддержания его мотивации к работе. Половину денег программист привычным движением переслал на другой счёт. С получателем (точнее, получательницей) он не виделся уже почти десять лет, но ему это и не требовалось для того, чтобы знать: её мужа недавно уволили с работы, старший сын учится в институте и собирается в марсианскую экспедицию, а сама она ждёт второго ребёнка.

Распакованная коробка архива явила на свет божий адову тучу раздёрганных файлов, и, изрядно тормозя, программа-виртуализатор кое-как собрала их в полупрозрачную, словно недоделанный витраж, безликую фигуру молодого парня. Программист прищурился, глядя на монитор, а потом резко встал с места, выбил из пачки очередную «последнюю» сигарету и закурил прямо в комнате, на пути к балкону. Любопытство исследователя, фоновым процессом тлевшее в его душе с юных лет и по сей день, сейчас грозило разгореться ярким пламенем от ветра, созданного запретом на просмотр файлов памяти, которые, как и всегда при создании искусственного интеллекта на заказ, должны были принадлежать реально живущему (или жившему) человеку.

– Кто ты, маска? – сам собой сорвался с тонких губ программиста вопрос без ответа, а в следующий миг свежий ветер ночного Петербурга подхватил три коротких слова и вместе с дымом унёс вверх, мимо крыш стоэтажных домов, к далёким мерцающим звёздам.

Второе правило фрилансера – не задавай лишних вопросов.

<begin>

Вместо предисловия

Санька пришел домой, как обычно, через две минуты после того момента, как жена начала обзванивать морги и больницы в поисках его, пропавшего. И за пять минут до того, как Катька, свет его ненаглядный, приплеталась домой с танцплощадки. Все трое застревали в прихожей, после немой сцены настороженных переглядываний жена объявляла:

– Ужин на столе. Уже. Давно.

Санька, отработывая хлеб, виновато опускал глаза, и говорил тихо:

– Прости. Я немного задержался на стенде.

А Катька, рухнув на стул и скидывая туфли с высоченными шпильками, выдыхала:

– Я там счет времени потеряла, мам. Но меня (Петя, Игорь, Олег, нужное подчеркнуть) проводил до дома.

Так и жили. Все собирались за одним столом, молча ковыряли картошку, которую опять забыли посолить, и тщетно искали тему для разговора. Правда, Санька чаще молчал. Его попытки рассказать про работу неизменно наталкивались на презрительную гримасу жены и полное непонимание Катьки, гуманитария до мозга костей. Обeim было глубоко наплевать на разделку кабелей на новой строящейся установке, на технические проблемы установки крыши в ангаре, на дурацкую организацию работ, из-за которой у Саньки...

– Пап, а что у тебя с рукой? – спросила Катька, найдя, наконец, повод оттянуть хоть на миг момент проглатывания безвкусной, но такой «полезной» еды.

Санька сверкнул глазами. Нет, у Катьки определенно проблемы с логикой. Или с любовью к отцу, которого ее мать сейчас по стенке размажет, стоит только оступиться и сказать что-то не так.

Пристальные взгляды скрестились на левом запястье Саньки, где из-под рукава рубашки выглядывал уже не слишком белый бинт.

– Поранился, – коротко сказал Санька, решив не вдаваться в подробности.

Это означало не рассказывать об авральном режиме сборки, когда на ангар, который разбирали-то три дня, выделили всего два, чтобы собрать. И его, программиста по образованию, электромонтажника и слесаря по факту, превратили в уборщицу, заставив мыть секции крыши... технической жидкостью для чистки асфальта. И в таком темпе, что он сам не заметил, как вогнал под кожу острую металлическую занозу, пробившую вену. Нет, он, конечно, почувствовал это, но некогда, нет времени рассматривать, а уж тем более – перевязать и промыть. Уже потом, поздно вечером увидел, и – о, абсурд его существования, – так обрадовался, что нет следов крови на рубашке, и никто его за это пилить не будет.

Впрочем, тот, кто хочет пилить, всегда найдет повод.

– Бросал бы ты свой стенд, пап, – выпалила Катька. – Другой работы, что ли, нет?

Санька молча смотрел в почти нетронутую тарелку.

– Ведь есть же какие-то научные исследования у вас там, автоматизация, в конце концов... – несло Катьку.

– Не указывай мне, дочка, – выдавил Санька, пряча под ресницами закипающую ярость. – Я же не выбираю тебе очередного поклонника.

Что она знает о моей работе? Да, все под богом ходим.

На другом конце стола было гробовое молчание. Санька поднял глаза на жену. Святцева Ангелина Павловна. Оставила девичью фамилию, но святее от этого не стала. Прямая, будто доску проглотила, вся из себя такая гордая и правильная, что хоть волком вой. «А ведь лет двадцать назад ты такой не была», – подумал Санька, ожидая попреков. Но Ангелина Павловна знала, что есть вещи хуже взрыва эмоций. Равнодушие.

Санька порывисто встал из-за стола, подошел к мойке, привычным движением схватил чашку левой рукой... Боль прошла запястье. Хрупкая фарфоровая чашка полетела на пол, оставив по себе долгую память в виде затихающего «дзи-и-инь».

Санька коротко, но емко выругался. И, конечно же, нецензурно.

А вот этого Ангелина Павловна уже не стерпела.

– Ты деградируешь на своем стенде, – припечатала она, глядя вовсе не на разбитую чашку, а в глаза мужу.

Санька на миг задохнулся. Что угодно он ожидал услышать, но только не это.

– В каком смысле?

– Нахватался там слов всяких. Мне стыдно за тебя.

Горячая волна поднялась в груди. Стыдно? За меня?! А если б я тебе не притаскивал по пятьдесят тысяч в месяц, отрабатывая все возможные сверхурочные, которые только позволены законодательством, ты бы стыдилась за свои гроши методиста на кафедре биологии?

Но логик внутри, еще держащийся на плаву, выдал почти спокойно:

– То есть, все мои картины в галерее Анискина – это деградирование?

«И я их рисую по ночам, заметь», – добавила ехидна на задворках сознания.

Ангелина Павловна не нашлась что ответить. В первые пять секунд.

– Тогда, будь добр, подбирай слова, – произнесла она, поджав губы.

Последняя капля. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

– Тогда, может, и ты будешь их подбирать? – очень тихо спросил Санька, стоя уже на пороге кухни. – Я считаю свою работу настоящей. Вот ты придешь, а тебе скажут – эту штуку собрал Александр Валько, эту штуку помыл Александр Валько, этот крепеж придумал Александр Валько... А деградация – это просиживание штанов за компом и валяние дурака за ним же в теплом уютном кабинете!

Санька развернулся на пятках и вылетел из комнаты, как стрела, рикошетом уходя от стен коридора на поворотах. Свежий воздух, боги, ну хоть глоток. Распахнуть балконную дверь. «Погнешь уплотнитель, будет свистеть». Почти вырвать створку окна. «Там кто-то курит сверху, да и комнату выстудишь. А вдруг они окурки кинут к нам?». Почти перегнуться вниз, над маленькой пропастью меньше чем в пять этажей...

Санька глубоко дышал, втягивая в легкие воздух зарождающегося питерского апреля. В синем небе вспыхнула и белой чертой промелькнула падающая звезда.

Санька криво усмехнулся. Какая там звезда... Кусок околопланетного мусора сгорел в верхних слоях атмосферы.

Но тогда выходит, что и мусор может стать... светом?

Часть 1. Земные странники

Автор иллюстрации – Елена Пильгун

Глава 1

В пультовой на крыше Главной башни института было душно и тихо. Санька, развалившийся в хлипком крутящемся кресле, маялся. Даже обмахиваться листком, выданным из оперативного журнала, было откровенно лень. «Интересно, когда у нас хоть что-нибудь сделают по уму? – неспешно текли Санькины мысли, никак не затрагивая лицевые мышцы и старательно культивируемое хрустальное спокойствие в радужке синих глаз. – Ту же систему вентиляции. Уже даже со стороны контору пригласили, кучу денег вбухали, а все без толку. Как была здесь баня наверху, так и осталась».

Взгляд Саньки скользнул по колпаку над головой. Ажурная конструкция из металла и бронированного стекла, заменявшая здесь привычные потолки перекрытий, почуяла ночь и на автомате выкручивала прозрачность на максимум. В акварельном сине-зеленом небе вспыхивали звезды спутников, из-за дальнего небоскреба поднимался Марс, а в зените стремительно набирал силу бледный фонарь полумесяца. Это были своего рода константы небесной полусферы. Разнообразие вносили только редкие росчерки аэроциклов, вспышки метеоров и яркие линии лунников, уходивших к вполне уже обжитому спутнику планеты каждый час. Но регулярно повторяющиеся события ради упрощения мозгового процесса тоже можно было считать константой, поэтому на лунники Санька внимания не обращал, а просто превратил их в своеобразную систему временных координат.

В пультовой тоже были свои константы. Например, Лина. Она была всегда уже три года как, с самого возникновения установки. Она повторялась каждый день, с улыбкой летящая по коридорам корпусов и по-мужски здоровающаяся за руку или обозначающая кивком подбородком соответственно собственному ранжиру привлекательности окружающих. Санька не знал критерия отбора, но с ним одним Лина заменяла кивок и рукопожатие на молчаливый тычок лбом в плечо. Вот просто так подходила каждое утро, если была возможность – со спины, и прижималась лбом к грубому синему сукну халата. До смешного доходило – Санька уже начал домой робу носить и стирать, чтоб девчонка не испачкалась во время утреннего ритуала приветствия. Стирал тайком, сам, по ночам, чтобы не дай бог не удостоиться комментария пытливого ума Святцевой Ангелины Павловны. «Пытливый» в ее случае было синонимом «пыточный».

Санька прикрыл глаза. Видение Лины, сидящей у диагностического пульта и неспешно заполнявшей оперативный журнал эксперимента, осталось под веками, лишь поменяв цвета на фиолетово-золотые. Такой след обычно оставляет солнце, попавшее в поле зрения. Впрочем, Лина и была солнцем. Маленьким стендовым солнышком двадцати трех лет от роду, с фарфоровым бледным лицом и длиннющей чёрной косой словно в опровержение своей светлой природы. Санька невольно в мыслях сравнивал двух Ангелин в своей жизни – жену и это солнце. Невольно же и напрашивался вывод – обе ангелы, только с разной полярностью. И мозги Санькины с Санькиным же сердцем снова и снова устраивали грызню между собой, стараясь сохранить тело и жизнь на нейтрالي.

– Линь? – тихо окликнул Санька девушку именем, выдуманным в пору очередного дедлайна годичной давности. Подошло бы еще «волшебный пинок», но, во-первых, длинно, во-вторых «Линь» звучало как антоним лени, а, в-третьих, пинок уже был однозначно застолблен им самим. Ведь даже и ежу, проработай он неделю на стенде, становилось понятно: дело движется только, когда его двигают. В качестве тягловой силы на разгоне неизменно выступали Санька и Лина.

Но сейчас было приятное десятиминутное затишье, и сердце твердило, что грех тратить его на тишину. Разум, занятый придумыванием стратегии поведения в мире Святцевой А. П., не возражал.

– М-м?

– Ты на выходные будешь выход на работу оформлять или отдохнешь все-таки?

Слаженный мат от сердца и мозга эхом пронёсся по Саньке. И правда, другой темы нет что ли, кроме работы... Похоже, что у него нет.

– Одно другому не мешает, – задумчиво проговорила Линь, выкручивая верньеры на доисторическом осциллографе, чтобы точно записать амплитуду светового сигнала.

И пока длилось молчание, Санька с трудом пытался отдышаться. Одно другому не мешает... Простая фраза, поднявшая вдруг такие пласты памяти, что хоть стреляйся. Двадцатилетие тому назад. Институт. Растрепанный паренек, тощий, как помесь рельса со шпалой. Паренек, известный всем и каждому. Его ник – Буревестник, его призвание – хакерство, его девиз... Одно другому не мешает.

«Нет, определенно на сегодня хватит, – помотал головой Санька. – Еще кругами домой часа полтора и долбаный семейный ужин. Интересно, а если в один прекрасный день я не приду домой вообще, жена с Катькой из принципа с голоду сдохнут? Впрочем, нет. Катька пойдет и ограбит холодильник. Тайком. Хотя чем-то в меня, черт побери».

Санька тяжело поднялся.

– Я на свежий воздух. Еще есть пара минут.

Линь кивнула. На губах у нее возникла усталая улыбка. Да, все вымотались. Три недели всеобщего сумасшествия, и еще две впереди. Сдача стенда – это вам не хрен собачий.

Уже у самой двери, в которую превратили из-за спешки одну из нижних секций купола, просто повесив ее на петли, Санька заглянул в переговорную. Здесь обитал генерал от экспериментальных исследований, ведавший стратегическим уровнем планирования в такие вот дни, когда появлялась возможность пострелять на старой установке. Именно в этом и была проблема института – новые установки все никак не создавались, а старые не ломались.

– Илья Моисеич, мы сегодня еще долго стрелять будем? – поинтересовался Санька у сгорбленной спины.

Спина живо превратилась в лучезарное лицо с большими очками в роговой оправе на типично еврейском носу. Илья Моисеич Райфе, кандидат физ-мат наук, был классическим незлобивым сыном Израилевым преклонного возраста, счастливо избежавшим пороков ворчливости и недовольства миром. Наверно, потому, что стрельба на стенде в переносном смысле все-таки была именно стрельбой и как-то успокаивала генетическую память крови. Не гоев перестрелять, так хоть лазерным усилителем бахнуть.

– О, Са-ша, – «ша» в его исполнении всегда звучало отдельно, – я бы еще «азок ст'ельнул, да и ладушки на сегодня. Сейчас я у Ма'ка спрошу... – и уже в трубку радиотелефона, такого же древнего, как он сам, – Мааа'к! Мааа'к!

«Вот сядет батарейка, так черта с два найдешь такую сейчас», – подумал Санька не то о телефоне, не то об Илье Моисеиче.

Трубка ворчливо откликнулась. Санька очень ясно представил себе, как пятью этажами вниз по шахте, на уровне подвала во второй переговорной, кое-как приткнутой к боксу старой установки, ворочается неповоротливый Ма'к, он же Марк Алексеевич Магдаленский, полная противоположность Ильи Моисеича во всем, кроме национальности. И можно было поклясться, что если чем-то Марк Алексеевич доволен, то это непременно он сам.

Трубка отворчалась. Илья Моисеич вздохнул.

– Давайте еще т'и «аз'яда, Са-ша. Это полчаса от силы. Я, конечно, ваше дело молодое...

«Какое оно нахрен молодое, – мысленно рывкнул Санька, внешне ограничившись кивком. – Сорок семь лет стукнет через месяц. А я тут все торчу и торчу...»

– Линь, три разряда еще! – Крикнул он через плечо и толкнул дверь на крышу.

Здесь было пусто и тихо, в отличие от копошащихся и жужжащих внутренностей корпусов. Башенка не блистала новизной, и вообще удивительно, как до сих пор не превратилась

в руины. Наверно, потому, что раньше умели строить даже здесь, на болотах. Санька слышал легенды, что лет двести назад, сразу вскоре конца последней мировой войны, эту башню в двадцать метров высотой заложили как авиадиспетчерскую, а сам институт – как главную площадку по созданию ядерной бомбы. Но взлетную полосу так и не создали, и спустя столько лет институт продолжал окружать чахлый ивняк с озерами, кишачими чаячьей братией.

Зато здесь можно было на пару минут остаться одному. Чем старше становился Санька, тем сильнее в нем становилось желание куда-нибудь заныкаться. Лечь на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать¹. Закрыться в шкафу и сказать: «Я в Нарнии». На худой конец, просто упасть и притвориться, что сдох. Или морду тяпкой и что-то вроде «никого не трогаю, починяю примус»².

Радостный писк нарушил неспешное течение Санькиных мыслей. Робот-снайпер, помесь старинной Арматы с луноходом, приветственно мигал огоньками на том, что можно было назвать его мордой, стоя прямо за спиной Саньки.

– Как дела? – спросил Санька.

Три коротких, два длинных. Санька наморщил нос, прикидывая, что это могло значить. Робот шел бесплатным приложением к куполу. Такие ажурные конструкции обычно ставили на крышах небоскребов, и там угроз для стекла было куда больше. Планета кружилась в облаке мусора, ближний радиус орбиты превратился в свалку. Небо расцвечивали метеоры сгорающих на подлете мелких фрагментов всего на свете, а то, что сгореть не успевало, добивали роботы. Впрочем, пятиэтажной башне института мусор из космоса не грозил точно. И робот скучал, нарезая круги вокруг ажурного сооружения, стараниями снабженцев НИИ превращенного в пультовую старого «Софита».

В Саньке вдруг проснулся азарт программиста. Где-то в затылке отрешенный голос прожженного технаря сказал: «Этот робот не используется по назначению. От него нет пользы. Во что можно его превратить?» И прежде чем здравый смысл успел рывкнуть: «Да ты на себя посмотри, айтишник-слесарь!», – руки потянулись к щитку выводов сразу над мигающими огоньками снайпера и откинули крышку. Незнакомые разъемы соседствовали со вполне стандартным сенсорным экраном. Так, а если...

– Ровный пульс, в норме кровь, я бы умер за любовь, – фальшиво пропел Санька строки из прицепившейся утром в развозке песенки, – но боюсь сбить режи-им жизни в каждодневной лжи-и-и³... Какого?!

Снайпер, взревев падающим мессершмитом, дал задний ход и вскинул пушку. Вспоминая потом эти две секунды точного наведения и уже в падении на бетонную площадку увиденное зарождение красного лазерного луча, Санька чувствовал, что смерть прошла мимо. Но не впервой ему было уворачиваться от падающих на стенде секций крыш, срывающихся со стропов объектов разной степени тяжести и ламповых кассет, так и норовящих отдавить ноги.

Короткая очередь импульсного режима прошла сумерки над головой лежащего Саньки. За спиной что-то грохнуло, запахло гарью. «Значит, все-таки не в меня», – с каким-то странным удовлетворением подумал Санька. «Ну а если б не успел?» – поинтересовался зануда под черепушкой, пока хозяин поднимался на ноги и отряхивался.

– У кодеров в этой конторе был бы повод поставить тепловизор, переписать код и первым пунктом инструкции поставить «перед снайпером во время стрельбы не стоять», – пробормотал Санька, приближаясь к груде еще тлеющих обломков, уже не поддающихся идентификации. На обычный околокосмический мусор это было не похоже, да и куда тут мусору...

¹ Использован текст песни В. Высоцкого «Подводная лодка».

² М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

³ Использован текст песни «Новый день» группы «Конец фильма»

Это ж не небоскреб, да и слишком маленький, должен был бы тогда сгореть в верхних слоях атмосферы. Робот, словно не уверенный в своей победе, робко шелестел гусеницами на заднем плане.

Внимание Саньки привлек небольшой продолговатый предмет, отлетевший прямо к куполу, словно бы неизвестная науке штука, павшая смертью храбрых от снайперского луча, в последний момент успела выкинуть его из своих недр. Металл, из которого он был сделан, оказался чуть теплым на ощупь, а посередине было небольшое окошко, отдаленно напоминающее солнечную батарейку. Санька все еще крутил эту коробочку в руках так же, как в голове крутилась мысль «куда эту штуку выкинуть, уж больно необычная, а, может, Катьке отнести, она из нее чего-нибудь модное сделает, киберпанк же ж», когда в одну секунду слились новый грохот, громче прежнего, звон купола и короткий, почти неслышимый вскрик Линь.

– Да какого лешего сегодня все взрывается? – возопил к небесам Санька, влетая в пультовую «Софита» и забывая удивиться вспыхнувшему красному огоньку на торце находки, крепко сжатой в кулаке.

Пультовая пребывала в раздрае, но на этот раз снайпер был явно не при чем. Линь, вся в слезах, пыталась прорваться к шахте, но у нее на пути стоял Илья Моисеич Райфе, во время аварии обретший, видимо силу шлагбаума. И не только силу удержатъ локомотив по имени Линь, но и даже соответствующую раскраску – бледная кожа пошла красными пятнами.

– Са-шаа, – призывно прокричал Илья Моисеич, невзирая на расстояние в два метра, – поддержите ее... Мы ничего не слышим, так грохнуло... Я спрошу, что там внизу.

Передав совершенно невменяемую Линь Саньке как эстафетную палочку, Илья Моисеич метнулся, точнее – прокатился в переговорную. Сейчас эта сотня килограмм еврейской доброты была очень кстати, потому что в объятиях Саньки у Линь, похоже, сорвало последнюю защиту, и информация, шедшая от мира по двум каналам, стихийно перемешивалась в Санькиной голове с обрывками собственных мыслей.

– Ма-а-а'к, Ма-а-а'к!

– Я все сделала, как ты меня учил... Уставку на двадцать четыре выставила, землители подняла...

«Она дышит раз через три, черт побери... И вся колотится, сердце у нее, что ли, на полтела...»

– Так ты в перегово'ной сидишь, нехо'оший человек? Почему посмот'еть не вышел?

– Подняли высокое... До уставки дошло, Саня, до уставки, не было самохода, не было!..

«Какие узкие плечи, как у ребенка... может, скорую ей вызвать?.. Как же ты дрожишь, Линь. Ну, успокойся, прошу, родная. Там все живы... должны быть».

– Ах ты ж... Не платят тебе за это, Ма'к Алексеич, значит, да? Я могу сказать, за что тебе платят! За твои штаны лоснящиеся!

– А потом разряд и грохот... Я ничего не слышу, Саня, прости меня, прости-и...

«Ты не виновата, Линь»

Виноват я.

Санька осторожно положил руки девушке на плечи и легонько сжал. Линь замерла, едва дыша на сведенной диафрагме. А, к черту условности. Санька коснулся губами ее пылающего лба. Секунда, две, три... Не хочется отпускать, но пора. Надо, в конце концов, выяснить, что произошло.

Приливной волной гнева Илью Моисеича вынесло из переговорной.

– Са-ша! Этот старый... – далее последовала непереводаемая тирада идиоматических выражений на иврите, – в общем, он сидит в пе'егово'ной внизу и носа оттуда не кажет!

– Я проверю, Илья Моисеич, – кивнул Санька, усилием воли размыкая кольцо рук вокруг Линь. – А вы побудьте здесь. Пожара, кажется, нет... Датчики бы сработали.

«Еще бы, – хмыкнула зануда внутри. – На сигареты давеча и то заорали».

Нырря в шахту, Санька чувствовал на себе взгляд Линь, но, не в силах обработать столько запросов сразу, его голова переключилась уже на аварию. Извини, солнце. Я, наверно, должен был заглянуть тебе в глаза, но я давно уже зарекся это делать. Нет сил уже выдерживать чужую боль от свежих ран.

В шахте лифт давно умер, а поскольку башня была отдана на растерзание простым людям – работягам и исследователям под стенды и установки, – его никто и не думал восстанавливать. Не административный ресурс, ноги, небось, еще не отвалились.

Санька преодолевал пролет за пролетом, на каждом этаже, где были обитаемые установки, встречая встревоженные головы, высунутые в распахнутые двери. Головы упорно смотрели вниз. Санька прибавил скорости. Навстречу пролетел один из первоотдельщиков в аэро-сапогах... Походу, кое у кого ноги все-таки отвалились. Санька продолжал спуск, чувствуя неприятную дрожь между лопаток от мысли, что этот первоотдельщик может развернуться на сто восемьдесят градусов и проследовать на Софит... любопытства ради.

Строго говоря, Софитов было два. Старый представлял из себя небольшой закрытый бокс с притуленной к нему конденсаторной батареей и переговорной. Здесь испытывали отдельные элементы лазерных усилителей – лампы, отражатели, стекла. В который раз уже Санька поразился клейкости некоторых разговорных названий к реальным вещам. Это было как истинные имена в давно и безнадежно запрещенном транскоде – назови активным элементом, а все равно останется стекло стеклом. Или оружие нашего робота-снайпера. Обозвали лазером, а то, что это какая-то суперсекретная разработка, принадлежащая одной в мире корпорации, и на лазер она так же похожа, как бегемот и балерина, – все забыли. Находились, правда, желающие докопаться до истины, но только при попытке быть разобранным робот взрывал сам себя.

А вот на новом стенде не было места исследованиям и истинным именам. Там был Заказчик. В угоду ему было все: от нарушения правил техники безопасности до откровенной халтуры. Лишь бы успеть. Лишь бы большие шишки остались довольны. И новый Софит жил дедлайнами от одного административного совета до другого. Огороженный высокой стеной, этот мир псевдочистой зоны сейчас жужжал похлеще UPS-ов в серверной стойке, отрубленной от питающей сети. Ворвавшись на последний этаж, Санька потрясенно замер. Вокруг бокса старого Софита собралась уже целая толпа, и она что-то бурно обсуждала. Санька нырнул в круговорот тел и сплетен как заправский дайвер. Местных было на удивление мало, в основном это были люди субподрядчика, монтировавших систему питания на новом стенде. Ну, этих хлебом не корми, лишь бы ничего не делать. Классика жанра: один работает, восемь дают советы.

А вот и источник беспокойства. Санька тихо рыкнул, протискиваясь в первый круг. Очень рразговорчивый источник, мать его за ногу.

– Артур, можно тебя на минутку? – для проформы прошипел Санька, вытаскивая из центра этой пентаграммы новостей холеного паренька с куском чего-то светлого в руке.

Вещдок, надо полагать.

– Тебе чего? – Спросил Артур, когда от толпы было уже шагов десять. Он вырвался из Санькиного захвата неумело, как девчонка. Ага, дорогой, и после этого я должен верить твоей лапше про пояс карате, если даже я могу вывернуть тебе руку за здорово живешь?

Артур стоял напротив, независимо вскинув голову. Санька смерил его презрительным взглядом, насколько позволял ему небольшой рост. Что и говорить, только Катька и Линь были приятным исключением в его отношении к современной молодежи. Артур же был смазливый дистрофиком с длинными, зачесанными назад волосами и явно испанскими глазами-вишнями, где цвет радужки почти неотличим от зрачка. Весь обвешан гаджетами, даже во лбу какая-то пластина с дорожкой бегущих огоньков, похожей на волну музыкального трека. И он был карьерист от науки, этот Артур. Кандидатскую он писал безнадежно и долго, с таким усердием, что с тем же успехом можно было сказать, что она писала его. Сам Санька в свое время не стал

поступать в аспирантуру только потому, что сам диплом в универе уже по сути был диссертацией, а наводить на нее марафет еще пять лет аспирантуры... Неинтересно. Да и нехватка денег в семье здорово увела от науки.

– Что произошло?

Артур подбоченился. Нанизывая слова как бусины, он выдал красочный рассказ о том, как...

– Короче, склифосовский, – оборвал его Санька, с трудом сдерживаясь, чтобы не дать парню заслуженного нагоняя. – В тебя влетел кусок изолятора от взорвавшейся в нашем боксе лампы...

– Именно, в вашем боксе, – сделал упор Артур.

– ... А ты при этом стоял здесь, у его стенки, вместо того, чтобы чистить кассеты на новом? – Голос Саньки источал яд. – Дай угадаю, курил свою гадость полимерную или висел на телефонной трубке с очередной пассией?

Артур смотрел ему в глаза. Санька прищурился. И раньше не были друзьями, а теперь, кажется, враги. Зато больше не будет распускать сплетни о случившемся. Тем более, на вид абсолютно цел, а если и есть синяк, то: а) до свадьбы, бедная его жена, боги Сети, заживет; б) сам виноват, не стой где прилететь может.

Выдернув у Артура из рук оторванный кусок изолятора, Санька зашел в бокс старого стенда, переступив через упавшую от ударной волны железную стенку. Заклепки, на которых она держалась, были вырваны с мясом, но починить это было вопросом получаса. Взорвавшаяся лампа оставалась в своем гнезде, но автоматы, похоже, вышибло напрочь, и в темноте Санька с трудом бы разобрался в произошедшем, не держи он сейчас кусок изолятора в руке. Вещдок, черт побери. Рука по наитию потянулась к останкам изолятора, еще закрепленного на лампе. Два фрагмента сложились как пазл. Горелые черные края копролита, волнистая дорожка пробоя... Ну давай, Александр Валько, признайся, на что это похоже, пока твои пальцы, оставив висеть на честном слове часть изолятора, скользят в темноте по колбе лампы... В темноте ты слеп, плохое ночное зрение. Но кожа заменяет тебе глаза: ты чувствуешь трещины на поверхности этой двухметровой колбы, как разрывы мироздания, через которые ушел в твой мир ксенон, заполнив прежний обычным пыльным воздухом стенда.

Эта лампа больше не даст разряда.

Не родит внутри себя вспышку, не зажжет плазму.

Мертвая бесполезная вещь, пусть ты даже и приставил недостающий фрагмент.

Гулкую тишину бокса разорвал едва слышный писк, на грани ультразвука. Он шел не извне. Изнутри?.. После некоторых дедуктивных исследований самого себя Санька все-таки решил, что до дельфина ему по-прежнему как до Луны пешком, поэтому пищать как знатная комарилья может только найденная на крыше коробочка. В темноте свет мигающего красного огонька упорно рождал ассоциацию с музыкальной дорожкой и лбом Артура. Тем более, что неизвестный никому шутник, сделавший этот... прибор? игрушку?.. явно внес систему и в писк, и в мигание не то лампочки, не то светодиода.

«Трекер, – подумал Санька, давая находке имя и пряча ее в карман. – Если уж ты свалился с неба, то обратно тебе и дорога». На краю сознания бились обрывки из прочитанной фантастики, что-то про инопланетян, комитет по контактам, охотника в музее внеземной жизни... Слишком уж невероятным все это казалось. Но и выбросить трекер в болото было бы нечестно, а отдать Первому отделу как должно – вдруг шпионская разработка, ага, только всё, что могли, уже давно разворовали и продали – проблем не оберешься, затаскают. И была еще внутри какая-то неубиваемая наивность, детская вера в чудо, что это не чья-то невинная шутка, а подарок судьбы, что может еще он, Александр Валько, чёрттов раздолбай, из которого ничегошеньки не вышло в жизни, вдруг получить в руки путеводную нить истории и способность хоть как-то повлиять на этот безумный, безумный мир.

Санька вышел из бокса. Толпа рассеялась. Конец рабочего дня однозначно определялся по наличию гула голосов на стендах. И сейчас тишина была гробовой.

В переговорной Марк Алексеевич Магдаленский со стоическим спокойствием выслушивал разъяренные вопли трубки, попутно листая какой-то объемный фолиант в красном переплете.

Санька прокашлялся на пороге и перешел в наступление. Только так, выдав заранее ответы на все возможные вопросы, можно было избежать девяноста девяти процентов от обычного объема ворчания Марка Алексеевича.

– Я посмотрел лампы в боксе, одна разорвалась, оторвало кусок изолятора, по колбе трещины, снимем лампу, – тараторил Санька, отключая силу и земля установку, – с Ильей Моисеичем...

– Он меня...

– Знаю, знаю... Ничего, это у него просто характер такой. В понедельник с утра я подлаю бокс, но установку американских на испытания следует отложить...

– Что значит отло...

– Я думаю, что нужно проверить электрическую часть, – надрывался Санька, – хоть эта схема и исправно работала полгода. Диагностика целая, мы сможем продолжить в любой момент...

«Да согласись ты уже, Боги Сети, – мысленно застонал Санька, – хоть раз пусть кто-нибудь в этом мире признает мою правоту, скажет, что не надо пороть горячку в пятницу вечером...»

Едва на лице Магдаленского появились первые признаки согласия, Санька схватился за телефон. Трубка орала оглушительно. И снова на иврите.

– Илья Моисеич, – крикнул Санька, перекрывая поток утонченных оскорблений, восходящих историей своей к праотцам и ветхому завету, – все в порядке, просто разорвало лампу! Подробности в понедельник, – и уже тоном тише, на фоне переваривающего новости молчания, – давайте по домам. И Линь забирайте, еще успеете на развозку. А на мое имя вызовите лунник. Пусть ждет меня за проходной.

Санька повесил трубку и обернулся. Магдаленского уже и след простыл.

Убрать бардак за субподрядчиками, вслух и с наслаждением без свидетелей обматерить Артура за халтурный монтаж высоковольтных выводов на новом стенде, нырнуть на первый этаж пролета, повернуть главный рубильник, вынырнуть обратно, разрезая крошечную тьму фонариком... На все про все десять минут. Еще пару минут на то, чтобы скинуть надоевшую робу и переодеться в цивильное, да кое-как отмыть руки. Из зеркала над раковиной на Саньку глянула осунувшаяся физиономия с тонким алым росчерком потрескавшихся губ да злыми синими глазами под светлыми ресницами. Как там Линь недавно сказала – если б добрые люди не просветили, так бы и думала, что мне тридцать? Может, конечно, проблема избирательного зрения, но, Линь, светлая моя, неужели ты не заметила бы, что под кепкой я прячу абсолютно седую голову, а от глаз бегут по щекам глубокие морщины? А добрые люди они такие... Они ж не только дату рождения называют, они и про жену с взрослой дочерью расскажут. Чтобы не мечтала даже.

Когда Санька прорвался за проходную, лунник уже стоял посреди местной тундры – особого вида одноразового питерского газона, прикосновение к которому убивает растительность так же безнадежно, как колесо вездехода за полярным кругом. И сейчас, в разгар апреля, рваными ранами зияли превратившиеся в эпичные лужи борозды от мотоциклов, концентрические круги парковки флаеров и прямоугольные ямы от станин аэротакси. Лунник стоял точно посередине этого безобразия, а его пилот красочно описывал достоинства последней навигационной системы, заведшей его в это болото.

Санька, перескакивая с кочки на кочку и тщетно ища брод в самых запущенных случаях, наконец, оказался на расстоянии рассерженного крика:

– Океаническая или Изобильная?

Это были два русских космодрома в океане Бурь и море Изобилия. Санька хотел сказать в ответ название американского космодрома, да вовремя прикусил язык. С тех пор, как созданные было объединенные сектора и альянсы развалились обратно на отдельные страны, такие шутки стали небезопасны.

– Выбирай любой, я не лечу.

– Мистер, вы издеваетесь?

О нет, ни в коем случае, стажер. А то, что ты стажер, мой юный друг, мне уже ясно. И «мистер» это даже вернее, чем твоя лопухость.

Трекер ощутимо обжег руку. В апрельских сумерках его огонь был настолько ярким, что можно было бы использовать как сигнальный маяк.

– Ты берешь эту штуку и летишь с ней на любой космодром. По дороге закладываешь вираж и выкидываешь ее в первый попавшийся кратер, – при желании в Санькин голос можно было нырнуть как в Марианскую впадину. – Все ясно?

Стажер почесал в затылке.

– Да, мистер, только нам нельзя летать без пассажиров.

– Я плачу, ты летишь, какие проблемы? – Санька сдерживался из последних сил.

Слишком насыщенным был день. Слишком много нервов, страха, злости...

Трекер взял тоном выше.

– А проблемы в том, что у нас все фиксируется, и если я нарушу правила...

– Выходи из машины, – голос Саньки сорвался.

Стажер удивленно открыл рот и вцепился в обшивку люка.

«Сейчас он сделает шаг назад, и я его уже не достану», – подумал Санька, а тело, страстно желающее избавиться от огня трекера, который проникал внутрь, словно Санька лежал на горячих углях, уже рвануло вперед, намотало на кулак форменную рубашку и швырнуло стажерское тело в капсулу пассажира. Можно было б в болото, но уж больно напуган был малёк.

– Сиди тихо, – предупредил Санька.

С видимым наслаждением он плюхнулся в кресло пилота. Давно забытое ощущение настоящей кабины. Почему ты стал таким бездарем, Александр Валько? Почему променял небо на подвальные стенды? Кто сказал тебе, что...

Двигатели стартанули, и машина сорвалась в воздух. Санька не стал рисковать и доверил создание полетной программы автоштурману. Стажер, пришедший в себя, тихонько сопел на заднем плане и давал советы, в которых Санька, увы, не нуждался. Тот, кто с детства бредит полетами, бредит по-настоящему, с изучением технической литературы и летных сводов, может пропустить мимо ушей все.

Кроме, например, такого.

– Выполнение маршрута невозможно, – сухо сообщил автоштурман, когда на обзорном экране языки пламени начали лизать обшивку корабля и перегрузка стала нестерпимой. – Возвращение на базу. Выполнение маршрута...

«Сегодня не мой день», – отрешенно подумал Санька, выключая автоматику. Метнувшийся было вперед стажер едва не получил в зубы, но все-таки успел вывести на экран локатор.

– Смотр-ри, – рыкнул он Саньке в ухо. – Разворачивай назад, живо!

Пламя исчезло с экрана, сменившись черной бездной с яркими зелеными огнями. Перед пульсирующей точкой лунника почти в боевом порядке разворачивалось хаотичное облако... мусора? Санька тихо присвистнул. Неужели его стало так много на орбите? Настолько много, что теперь у земли есть собственный пояс астероидов из всякого хлама?

– Слушайте, мистер, – стажер ушел на фальцет, – клянусь мамой, я ничего никому не скажу, только убираемся отсюда, пока не поздно!

Санька почувствовал, как внутри все умирает, медленно и неотвратно гаснет вспыхнувшее пламя, и, словно ловя эту волну, сходит на нет жар и писк трекера. Он повернул штурвал.

– Ладно, стажер. Извини, что я так сорвался.

Паренек нервно усмехнулся.

– Нам говорили, что бывают разные клиенты, но я не верил как-то, мистер. А форсаж вы здорово взяли, – стажер прищурился, – наши гонщики и то не так лихо делают. Вы учились где-то?

Санька махнул рукой и переключил управление на автоштурмана.

– Учился давно. Ладно, парень, мир, дружба, апгрейд. Подкинь меня домой, Петербург-12, Заводской, восемнадцать, деревня Колпино.

Глава 2

Суета сует. Тот самый случай, когда расставление точек над «ё» необязательно, но так заманчиво. Санька выдохнул, тяжело привалившись к штабелеру. Работы было невпроворот – новый «Софит», «мертворожденное дитя», как про него многие говорили, гудел как муравейник. В том смысле, что мельтешения и работников много, а толку мало. Большая часть, похоже, была создана только для поиска инструмента или его утери. Санька уже давно махнул рукой на хоть какой-то мало-мальский порядок на верстаках и в сейфах. Поэтому вопли из оперы «эй, кто последним шуруповерт видел?» раздавались с завидной регулярностью.

– Все под контролем, я запутал следы, никто не узнает, где я, а где ты⁴... – тихо проговорил Санька внезапно всплывшую в памяти строчку.

Так уже бывало раньше. То слова из песни вдруг вспомнятся, – с ритмом и музыкой у Саньки всегда было плохо, то стихотворение какое... А в последнее время появилось новое наваждение. Едешь в автобусе в деревню Колпино, давка, локти не раздвинуть, а в голове поток мысленной ерунды на миг замирает, и голос Линь так тихонько зовет: «Са-а-аня?..».

Санька глубже надвинул свою кепку. Разворот на тридцать градусов, скрестить руки на груди и принять вид сонный и отрешенный. Только бы губы не выдали, не сложились в ласковую улыбку, когда глаза найдут в копошащемся народце солнышко с темными волосами по пояс, убранными в небрежную косичку. Давно уже все забыли о «чистом помещении», где в теории все должны быть в белых одеяниях по самую макушку, в масках и тапочках. Потом, все потом. А пока даже Линь в этой жаре и духоте сбросила свой любимый халат цвета «василек» и работала в одной футболке и затертых джинсах.

Вместе с Артуром и еще кучей эпизодически возникающих личностей Линь собирала высоковольтные вводы в кассетах с лампами. Впрочем, Артур лишь играл роль статуи из Летнего сада с разводным гаечным ключом неприличных размеров, который никак не вязался в голове с оптикой за много миллионов тугриков. Всего-то и надо было, что поставить ключ на специальную железку за авторством конструкторов, чтоб удерживать контакт с одной стороны, а уж все остальное... сделает Линь. И она делала, черт побери. Санька, стиснув зубы, наблюдал, как эта единственная девчонка на стенде со скоростью электровеника наворачивает на контакт зажим, как в очередной раз шарахается от нее конструктор, получив порцию посылов в интересные места за такое изобретение, как она потом берет другой ключ, чуть меньше Артуровского, и затягивает этот контакт. Неудивительно, что халат стал ей мал в руках. Стенд этот получше иного фитнес-зала будет.

Внутри колыхнулась вязкая трясина, выпуская наружу гаденькие мысли о том, что раз уж начальство закрывает глаза на это безобразие, надо самому собраться с духом и выгнать девчонку со стенда. Ну, стыдно же, боги Сети, смотреть, как она ворочает железки. Ладно еще разделка кабелей, хотя это и оказалось в полном ведении Артура, ладно уборка или помывка... «То есть тряпка ей больше к лицу, чем гаечный ключ и отвертка?» – уточнил зануда за правым плечом, вместе с хозяином наблюдая, как законченную кассету тащат к штабелеру. «Нет», – машинально ответил Санька, снова погружаясь в состояние потока, и пока вся мощь его внимания и сил была брошена на задачу «загнать кассету в усилитель, по возможности ничего не разбив», подкорка мозга вывела наружу истину. Нет, он, Александр Валько, никогда не сможет выгнать Линь со стенда. Она из его племени. Из тех, что считают работу руками и очевидный результат их работы самым ценным в жизни.

Когда, наконец, кассета оказалась на своем месте, хоть и с трудом составив одно целое с каркасом усилителя, Санька смог оглядеться. Сказывалась близость обеда. Народа стало

⁴ Использован текст песни «Все под контролем» группы «Смысловые галлюцинации»

заметно меньше. Собственно, остались именно те, кто хоть что-то делал. Бросив быстрый взгляд на Линь, Санька настороженно замер. Кажется, у нас проблемы.

– Да ладно тебе, – слащаво протянул Артур, – я ж ничего еще не сделал...

– Только попробуй, – в голосе Линь стукались льдинки.

Девчонка оказалась зажатой между лежащей на столе ламповой кассетой, выступом стены и тощим телом Артура. Так-так-так... Зная Линь, можно ставить десять к одному, что мальчик нарвался.

Но мальчик об этом не подозревал. И потом, у статуи в Летнем Саду занята только одна рука, верно? А вторую можно использовать для целей, более приличествующих положению тел и древней памяти мифологических забав тех, кто потом оказался высеченным из мрамора... Сдавленное «ой» последовало немедленно. В скульптурной композиции «Два гаечных ключа, Артур и его почти-вывернутая-рука» подвижной частью осталась только Линь. Она еще чувствовала на груди прикосновение Артура, злоба медленно, но верно искажала ее лицо. И если актерское мастерство требовало только искренности, а не искренности и притворства, Линь бы по праву забрала все Оскары.

Продолжая выкручивать наглецу руку, она прошипела что-то невнятное. Санька с другого конца комнаты смог разобрать только конец фразы:

– ... у меня вообще-то муж есть.

– Есть, – согласился Артур и резко дернулся, вырываясь из захвата. – Только ты им не пользуешься. Все уже в курсе.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Саньке показалось, что он слышит хруст собственных позвонков в распрямляющейся спине. Дыхание у него перехватило. Но с трудом преодолев спазм диафрагмы, он уткнулся взглядом в кристальные глаза Линь. В них больше не было ни злобы, ни ярости, ни элементарных слез. Они смотрели прямо Саньке в душу, потому что...

Шаг. Я помню наш вчерашний разговор, Линь. Помню, как ты – светлый и невозможно грустный ангел, – потеряла свой вечный самоконтроль, разрыдавшись вечером в моей каморке, как слезами окропила мои загрубевшие от работы руки, повергнув меня в хаос таких понятных и знакомых чувств никчемности и ненужности в том мире, что начинается за дверью квартиры. Нет, не дома, не родного гнезда. Квартиры. Места, где можно упасть без вызова скорой.

Два. Я помню твои слова. Ты выплескивала в меня всю горечь истекшего года неудачной совместной жизни с тем, кто просто оказался в нужное время, в нужном месте и с нужным тебе предложением. «Я не знаю, что такое любовь». Твой голос сорвался в пропасть на этой фразе. И лживое «я тоже» слетело с моего языка раньше, чем я понял, что люблю тебя. Так я годами отвечаю на слова жены о любви. Я тоже. И я тебя. Ну конечно, дорогая, и я. Это происходит помимо моей воли... Но на слово «люблю» уже давно наложено табу.

Три. Мы были одни с тобой там. И плохо ты меня знаешь, если в твою голову сейчас закралась мысль о предательстве. Это подозрение сейчас большее, чем твой выжигающий душу взгляд. Я не знаю, в какой момент Артур появился под дверью моей каморки. Наверно, не слишком рано и не слишком поздно. Самое то, чтобы услышать твой крик души о холодных ночах с тем, кто имеет на тебя право только из-за штампа в паспорте.

Четыре. Право. Иметь право на кого-то – это полный бред. Но молю тебя, Линь, отведи хоть на миг глаза. Я, дурак, только сейчас начал понимать, что вчера у меня был Шанс тебя спасти. Сказать тебе «ты моя». И почему-то я уверен, что ты сама подала бы мне руку, сама пошла бы рядом прочь от всего... И тебе было бы плевать, что ни у одного из нас нет своего угла, что на копейки, которые платят в нашем НИИ, прожить в принципе невозможно, что пересуды и сплетни облепят нас, как...

Пять. Прости меня, Линь.

Близко-близко.

Глаза в глаза.

Просто поверь мне, ангел, прошу тебя. Или ударь. Я знаю, ты можешь.

Периферийным зрением Санька увидел, как Артур рыбкой выскользнул из комнаты, нырнув в проем распахнутой двери. Там где-то над головой, возле усилителя, колдует над диагностикой Илья Моисеич, но ему нас не увидеть и не услышать. Одни. Мы одни, Линь. Если нас останется двое последних людей на Земле⁵...

– Я ни при чем, Линь, – шепнул Санька едва слышно, осторожно притягивая девушку к себе. – Я ничего ему не говорил.

– Знаю, Саня.

Они молчали, замерев в кольце рук друг друга. Но напряжение, которое Санька ощущал сейчас в себе почти физически, надо было куда-то «сливать», как говорили высоковольтники. И если нагрузка – поцелуй навывлет, которого так просит сердце, – не твой вариант, Александр Валько, ибо ты слаб духом, чтобы взять такой груз на свою душу, то разрядное сопротивление в виде мысли о начавшемся уже давно перерыве – самое то.

– Он говорит: сегодня играем в бридж... – пробормотала Линь, выныривая из полутемного коридора на яркий дневной свет второго этажа пролета.

– Ты о чем? – поинтересовался Санька, ступая за девушкой шаг в шаг. Та едва заметно тряхнула головой.

Вокруг царила обеденная тишина. Вымотанные в ноль, оба они снова с тоской глянули друг другу в глаза. Определенно, жить по принципу «война войной, а обед по расписанию» – это не про них. Народ, занятый на сборке ламповых кассет, однако, считал иначе, и с первым тиком секундной стрелки после полудня бросал отвертки и гаечные ключи, даже если у винта или гайки оставалась недокрученной всего пара оборотов. «А к черту, – подумал вдруг Санька. – Чем так работать, лучше б в кабинетах сидели».

– Линь, сколько у нас перерыва осталось?

– Минут двадцать. Потом все придут. В час дня.

Санька шепотом выругался. Вот оно, наказание за рвение к работе. Когда все линияют на обед, ты остаешься, закручиваешь оставшиеся винты, чистишь площадку, подгоняешь штабелер... Тонкие девичьи руки, превратившиеся за неделю работы в терку, снова отмывают растворителем изоляторы, и этот всепроникающий едкий запах стирает с картины мира нежный аромат духов с легкой цитрусовой ноткой – единственную отраду в этом аду.

– Линь, кофе хочешь? Пошли ко мне.

– Пошли, – согласилась Линь, стараясь не слишком афишировать то, что идет она, откровенно говоря, на последнем издыхании и держится за стенку. – Только мне это... воды простой. Горячей.

Они вскарабкались на антресоль – ряд маленьких каморок нависал над пролетом, изображая насест снайпера. Санька, преодолевая усталость, начал было суетиться, пытаясь организовать хоть какое-то подобие обеда, но замер вдруг посередине комнатухи с чайником в руках. Линь смотрела на него. Бесконечная усталость, грустная улыбка в уголках губ... Яркий солнечный блик апрельского солнца бил ей прямо в висок, вскрывая тайну темной гривы жестких непослушных волос: они внезапно отливали медью.

– Ты рубашку где-то порвал, Саня, – тихо сказала Линь, – снимай, я зашью пока.

Наваждение. Но девушка сказала это так просто и естественно, так легко протянула руку за разошедшейся по швам рубашкой, что сопротивляться этой волне нежности и заботы

⁵ Использован текст песни «Последний день на Земле» группы «Смысловые галлюцинации»

не было ни сил, ни желания. Санька рухнул в кресло, как подкошенный, резким ударом ладони врубил чайник и расстегнул бретели рабочего комбинезона. Ладно, Линь, не думаю, что мой обнаженный торс расскажет что-то новое.

Санька скинул рубашку под ворчание закипающего чайника и мельком глянул на часы. Десять минут осталось, черт побери. Кофе, срочно кофе. Три ложки... Нет, четыре. Только б не уснуть.

– Слушай, Линь, ты как-то не говорила вчера... Как муж относится к твоей работе?

– Ему все равно, – Линь изломила губы в злой улыбке, не отрывая взгляда от порхающей над тканью иголки. – А если не все равно, то говорит, что нечего здесь делать. Что это за такие деньги вообще никому не нужно.

Санька прикрыл глаза. Кофе бил по обонянию, но никак не мог достучаться до засыпающего мозга, в котором вместе с капителями сознания рушились последние блокировки. Не ткань сшивали эти ловкие пальцы, а само мироздание, которое трещало по швам все последние месяцы. А подсознательное уже уходило вразнос, мысленно убирая с Линь всю лишнюю на его взгляд одежду, превращая в реальность мечту прикоснуться к этим алым губам, которые, казалось, в жизни не знали помады, крепко обнять за плечи, и плевать, что между ними двумя пропасть в двадцать лет и целую жизнь...

– Кто играет в бридж, Линь? – спросил Санька дрогнувшим голосом, отгоняя манящее видение.

– Бог, – ответил голос на краю бездны.

– Его нет, Линь.

– Я знаю.

Тик-так.

Его нет, Линь.

Тик-тик-так.

Я знаю.

Я знаю, что меня нет.

Санька вскинул голову. Линь по-прежнему сидела рядом, руки ее шили, но пронизывающий чужой взгляд гипнотизировал Саньку, заставляя покрываться мурашками обнаженную спину.

– Ты не Линь, – выдал Санька, отшатнувшись.

– Да, я не Линь.

– Кто ты?

– Я Бог.

– Но тебя нет!

И ясно уже, что это сон. Один из тех кошмаров, в которых дорогие тебе люди... О, нет... Сердце Саньки пропускало удар за ударом, пока Линь на его глазах раздваивалась. Настоящая падала с кресла как в замедленной киносъемке, вытянув в сторону руку с иголкой, и мара, назвавшая себя богом, осязаемо плотная, двухметровая тварь, выросшая прямо из девчонки, нависала над Санькой, как дамоклов меч. Глаза ее, украденные у мраморной статуи, впивались в Саньку с такой силой, что лишь спинной мозг еще делал попытки выкарабкаться из этой бездны ужаса.

– Валите отсюда все! – голос Лины ворвался в уши, заставив Саньку подскочить на месте. – Дайте поспать человеку, черт бы вас побрал. Я сама вам открою чистую зону...

Санька потряс головой. Дышал он как вытщенная из воды рыба, трекер в кармане брюк звенел на одной ноте... Но мир вокруг стал прежним. В дверном проеме маячила тонкокостная фигурка Лины, расставившая руки и явно не желающая пускать галдящих на заднем плане чужаков в Санькину каморку.

А плечи прикрывала заштопанная рубашка.

– Он говорит: сегодня мы играем в бридж, – прошептал Санька, вскакивая и судорожно одеваясь. – Он говорит: это реальность и ты не спишь...

– Что с тобой, Саня?

Линь вдруг оказалась совсем близко. Неприкрытая тревога светилась в этих глазах цвета морской волны над отмелью – сумасшедшая смесь бледно-голубого, светло-зеленого и серого.

– Все хорошо, Линь, – выдал из себя Санька. – Все хорошо. Пойдем... Поиграем в бридж.

«Он говорит: „Сегодня играем в кости“, но я-то знаю, что все одно – подкидной...»

И даже ясно, кто у нас в дураках остался. Санька, вернувшись в реальность, опять попал с того же места на пластинку своего начальника. Пароёров, человек где-то неплохой и даже благородный, был при всем этом болен начальственной заразой: желанием покомандовать и полной убежденностью в собственной правоте. Да и видеть реальные перспективы и сроки ему тоже удавалось с трудом. Но сейчас, кажется, он был встревожен не на шутку, раз собрал в пультавой только самых-самых.

– Я был у директора центра, пытался как-то повлиять на ситуацию, но то ли у него нет рычагов, то ли он не хочет себе проблем... – Пароёров тряхнул седыми космами. – Я знаю ровно столько же, сколько и вы. Да, к нам будет прислана бригада психологов. Да, по их тестам будет определена профпригодность. Но мы обязаны запустить стенд, провести измерение коэффициента усиления и точка. Если они будут вас вызывать к себе, то всем не уходить. Организуйтесь, подменяйте друг друга... Работа не должна простаивать.

– А «результаты тестирования кадровикам отдадут? – подал голос Илья Моисеич Райфе, по праву возраста занявший мягкое кресло у стола с тремя мониторами.

Пароёров поморщился. «Значит, отдадут», – подумал Санька, пристально наблюдая за начлабом. Единственная возможность узнать истину – это задать вопрос, почти выстрелить наугад, и... нет, не слушать ответ, а смотреть на говорящего. Спрятанные ладони, сжатые губы, внезапно гульнувшие желваки, сдержавшие слетающую с языка правду.

– Да даже если отдадут, – махнула рукой Линь, – уволить нас не имеют права. И вообще – что они оценивать будут, эти психологи? Коэффициент корреляции моей руки и отвертки из набора?

– Помнится, меня в институте учили, что... – Санька закатил глаза к потолку. В памяти всплыло жуткое название «технология программирования» и полная молодая женщина с копной рыжих волос, разносящая в пух и прах каждую строчку его неумелого первокурсного кода. – Как же там она говорила... А. Степень правильности работы программы зависит от степени кривизны рук программиста.

Все коротко хохотнули, и принципы отбора людей на стенд вдруг посыпались в пространство, как шрапнель на поле боя:

– Степень кривизны роста рук – на первое место!

– Э-э... М-м?... Индекс ст'емления сдохнуть за идею, точно.

– Коэффициент жополизства!

– Лина, не к лицу девушке...

– Шкала мастерства в удовлетворении начальства...

За последнее Санька получил от Пароёрова о-о-очень многообещающий взгляд. Да ладно вам, я уже столько раз получал по маковке за такие вот слова, что уже не боюсь ничего.

– Короче, жить будем плохо, но не долго, – улыбнулся Санька и резко помрачнел. – Сколько у нас времени до появления психологов? Когда испытания силовой части и собственно

эксперимент? Реальные даты я знаю. Надо знать, к какому числу планируют все это эшелонам выше.

Их взгляды скрестились и, прозвенев, разошлись. Но Пароёров все еще агонизировал.

– Вы должны...

– Нет, – вкрадчиво перебил его Санька, сжимая кулак за спиной, – мы не должны. Мы только можем. Или не можем. Потому что нас по факту здесь трое работают. Артур не в счет, потому что его пригоняют сюда палкой, а он и рад работать как эта самая безрукая палка. И весь этот пришлый народ тоже, потому что ему плевать на результат.

– В пятницу здесь будут люди субподрядчика из Москвы-3. Это по поводу силовой части, поднимете при них высокое на всех батареях. А насчет психологов... – Пароёров дернул плечом. – Думаю, что первые из нас попадут под раздачу в тот же день. День «Ха», что и говорить.

Семейный ужин вечером того дня проходил в сильно урезанном варианте. Поскольку Катка еще дня за три пробила всем мозги новостью, что ее этим вечером пригласили на какую-то жутко закрытую вечеринку филологов и придет она домой только ближе к полуночи, Ангелина Павловна решила особо не стараться. На стол перед Санькой грохнула дежурная тарелка с отварной несоленой картошкой и разрезанным вдоль огурцом. Но прагматизм в кои-то веки взял в Саньке верх: предстоял важный разговор, от которого зависело очень много. А уж отчитать жену за слепоту и удовлетворить волчий аппетит можно и ночью.

Почти не притронувшись к еде и дождавшись, пока в гробовом молчании Ангелина Павловна заварит себе гремучую смесь из кофе, сгущенки, корицы и кайенского перца, Санька пошел в атаку. В глаза бил свет лампы, лицо жены было в тени, но другого выбора не оставалось. Надо было спасать собственную шкуру. Надо было спасать стенд. А это, в сущности, было одно и то же.

– У нас какие-то нововведения в институте, – начал Санька, шурясь на темный силуэт жены, – профпригодность по результатам психологического тестирования определяют. Люди пришлые, из вашего Роскосмоса, специфики не знают нашей... Ты не в курсе случайно?

– В курсе. Это федеральная программа оптимизации кадров, – спокойно ответила Ангелина Павловна, потягивая кофе.

– И? – поощрил рассказ Санька, внутренне холодея.

Боги Сети, пусть предчувствие окажется марой...

– Что и? – усмехнулась жена. – Всех, кто провалит, вышвырнут из госучреждений, корпораций, всяких там НИИ. Я знаю тех, кто создавал эти методики. И тех, кто их будет применять, по крайней мере, в Роскосмосе. Они не дадут поблажек.

Санька прикрыл глаза, ныряя глубже. Если не можешь ничего изменить, то расслабься и получи удовольствие, так?

– А правильные ответы есть?

– Есть, – улыбка Ангелины Павловны, видная теперь даже против света диодной ленты под шкафами, стала откровенно угрожающей. – Более того, стараниями некоего Буревестника, черт знает что это еще за птица, они на прошлой неделе утекли в Сеть. Не поленишься – найдешь. Только там есть такие вопросы, дорогой... Психолог сразу поймет, что ты зубрил ответы. Впрочем, – она пожала плечами, – чтобы отвечать как надо, тоже нужно немало смелости.

Буревестник, значит. Санька осторожно выдохнул. Что-то слишком много от тебя вестей в последнее время, старик. Уж не к встрече ли? А с психологами, видимо, все просто. Зазубрить ответы, оттарабанить, и баста. Они не тронут стенд. Черт побери, это ж последний оплачиваемый заказ в центре!.. «И что? – хмыкнула зануда в затылке. – Ты не последний. Уйдут тебя – и ничего не рухнет». Санька вздрогнул, вспоминая свое тестирование при приеме на работу

в НИИ: с каким трудом он давал «правильные» ответы, шедшие вразрез со всеми его моральными принципами, лишь для того, чтобы создать впечатление неконфликтного образца хомо арбайтес, готового выполнить любой, самый идиотский приказ начальства и даже не поморщиться. И пройти это снова... Лучше сразу уволиться. Но сначала пустить установку.

– Лина, – позвал Санька негромко, гоня от себя видение хрупкой девушки в синем халате, прижимающейся лбом к его плечу, – я прошу тебя, поговори с исполнителями программы... Может, они переставят наше НИИ поглубже в список? Нам надо пустить установку, это всего пара недель. Пойми, я не смогу пройти это тестирование даже с ответами. Я и так очень устал, почти на нуле, взрываюсь каждый день на стенде, когда там...

– А зачем тебе я, если есть силы «взрываться»? – быстро спросила Ангелина Павловна, чуть подавшись вперед. Их лица теперь разделяли всего пара десятков сантиметров. Гречишный омут скрестился с синим льдом. – Если бы ты был в ноль, их бы ни на что не хватило, ни на одну эмоцию. Или ты решил, что живя только работой и столкнувшись с препятствием, тебе достаточно просто приползти и сказать «ты мое спасение»?

Дыхание у Саньки перехватило. Я отвык от такой тебя, Лина. Отвык до жути. Но что, что тебя сейчас заставило так меня ударить? Где я ошибся?

– А что ты от меня теперь хочешь-ш-шь? – в голосе жены уже появились нотки шипения кобры перед прыжком. – Выслушать? Сказать «держись, мой бедный»? Поставить на уши весь Роскосмос ради тебя?!

– Если ты не можешь...

– Могу, Александр Валько. Я могу все, если захочу, – еще ближе, почти на шепот, – но я не буду ничего делать. Пальцем о палец не ударю. Я знаю все рычаги, но ни один не трону. А угадай, почему?

Санька мотнул головой. Ни единой мысли в башке. Даже зануда упал в обморок от взрывной волны, что вдруг, почти на пустом месте, подняла на гребень этого истукана с острова Пасхи.

– Да потому, идиот, что ничего ты мне хорошего не принес со своего стенда! – сорвалась она вдруг на крик, вскочив со стула и едва не разбив чашку с уже остывшим кофе. – Ты если и рассказываешь что-то, то только плохое. И знаешь, я тебе скажу две вещи. Первое. Это будет тебе уроком. Я оставлю тебя без помощи, вот так, слышишь, я отказываюсь помогать тебе, как это делают все молодые мамашки, когда их ребенок капризничает, отказываясь куда-то идти. Они их не уговаривают, не берут за руку. Они просто уходят, а хватит ли у дитятки мозгов не потеряться – это его проблемы. У тебя есть ответы в Сети, да и актер ты неплохой, выкрутишься сам. И второе...

Она замолчала. Чашка в ее руках слабо звякнула.

– Еще до того, как ты появился на горизонте, очень давно, моя мать сказала мне: «Если у тебя будет хватать времени и на учебу, и на парня, то значит, хватит и на домашнюю работу. Сама себе будешь готовить, стирать и гладить». Я это на всю жизнь запомнила. Так вот, Саня... Хватает у тебя сил взрываться, как ты выражаешься, на работе, выгорая там «до нуля», тогда ты должен и дома, для меня, так же выкладываться на полную, а не приходить и падать с видом великомученика.

Интересно, сколько раз нужно пнуть труп, чтоб он встал и захрипел? Санька осторожно поднялся и подошел к Ангелине Павловне вплотную. Ближе, черт побери, ближе... Вот так, чтоб бортик столешницы врезался тебе в спину, дорогая. Чтоб отступать было некуда. Ибо ты сделала невозможное, подняла труп на ноги, выдав такой заряд ярости... Ха. Вот оно как работает, оказывается. Плюс или минус – почти не важно. Как в стихотворении Асадова про летчика, замерзающего в снегах.

Ну, так лови ответную волну.

– Я не должен этого тебе, – прошептал Санька, сжимая женские плечи. – Ты сама освободила меня от этого. Очень давно освободила. Помнишь тот долгий разговор? Нет? Ты сказала, что я выжигаю тебя. Что тебе тяжело жить на таких постоянных и сильных эмоциях, как мои. Ты хотела, чтоб я научился жить без тебя... Верного пса, обожавшего тебя до потери пульса, ты оттолкнула, потребовав, чтоб он превратился в кошку, которая гуляет сама по себе и заглядывает помурчать, когда тебе этого хочется... И я выполнил твоё желание. Невозможно любить и одновременно обходиться без. «Одно другому не мешает» здесь не прокатит, понимаешь?

Санька чувствовал, как под его напором Ангелина Павловна вынуждена выгибаться назад. Звериная волна превосходства мужской силы поднялась в душе, сметая напрочь все моральные защиты. Но последняя, самая сильная блокировка, осталась цела и превратилась в плотину. Слова истины вдруг слетели с Санькиных губ, и он с потухшими глазами сделал шаг назад.

– Я выгорел до нуля по отношению к тебе, веришь ли. Ты добила своего. Я больше не люблю те...

Грохнула входная дверь, и вопль Катьки не дал Саньке закончить фразу.

– Ма-а-ам? Пап? Вы дома?

– Дома, – ответила Ангелина Павловна в пространство, отлепляясь от столешницы.

Нужды заканчивать фразы не было. В её глазах Санька видел, как он умирает. Медленно и мучительно, по всем правилам «Молота Ведьм». Прости, я давно должен был тебе это сказать. Но, наверно, все дело в Линь. Она творит страшные вещи. Учит быть искренним. И жить наотмашь.

Они оба вышли в коридор, стараясь не касаться друг друга. А у входной двери стягивал с себя лакированные туфли высокий молодой человек вида манерного и чуть застенчивого. Катька, прикрыв спиной гостя, сделала шаг вперед.

«Мам, пап...»

– Мам, пап...

«Это мой жених, _вставить нужное имя_»

– Это мой жених, Сергей. Он сделал мне предложение.

Ангелина Павловна сдавленно охнула. Хм, а может это просто порода просела под истуканом с острова Пасхи? Санька обогнул скульптурную композицию «мама и её дочь, приведшая в дом котенка/щенка/жениха», и подал руку парню.

Крепкое рукопожатие. Взгляд глаза в глаза. Ничего еще о тебе не знаю, гость, но ты заходи, располагайся. Я доверяю своей дочери.

– Сергей Атаманов.

– Александр. Добро пожаловать в семью.

Глава 3

Непредсказуемый по длительности путь на работу в это пятничное утро Санька решил провести с пользой. День «Ха», как всегда, наступил внезапно, и мысль о профотборе тукнула в темечко одновременно со звоном будильника. В лучших традициях русского менталитета – учить ответы на экзамен даже не в ночь, а с утра пораньше. «Однако раньше за тобой такой безалаберности не наблюдалось», – сонно заметил зануда, переворачиваясь на другой бок. Санька тихонько хмыкнул. Как там, с вами поживешь – позеленеешь.

Искать ответы даже не слишком пришлось. Пятая ссылка в поисковике выдавала длинный список с пометками правильных формулировок, звучащих из уст испытуемого. В заголовке же туманно говорилось, что «попавший под раздачу Иванов/Петров/Сидоров должен сохранять спокойствие, говорить ровно и над дурацкими вопросами не смеяться». Ладно, посмотрим...

На тридцатом вопросе Санька сдался. Из всех «правильных» ответов следовало, что идеальный работник и простейшая амеба – с точки зрения работодателя суть одно и то же. Быстро пролистав до конца списка, Санька увидел небольшую приписку мелким шрифтом.

«А еще иногда спрашивают: если дурака назвать умным, кем назвать разбойника? Ответ: святым. Всем вам мое благословение. Буревестник».

Ну, Кирилл Заневский... Санька судорожно выдохнул и уставился в окно. Автобус медленно плыл по глубоким лужам Загородной улицы, точно повторявшей все изгибы грязной и пышущей жаром сточных заводских вод Ижоры. Мелкий дождик оставлял свои капли на обратной стороне стекла, и зрение, коварно сговорившись с памятью, делало на осколках воды двойную экспозицию с чахлой еще майской зеленью и темноволосым парнем, аскетично худым, отчего его птичья грация казалась почти ненастоящей. Интересно, как ты сейчас живешь, Буревестник? Искать инфу по нику – наверняка попадешь в пучину уголовной хроники с хэштегом «хакер_forever». Можно, конечно, собрать сведения о тебе через бывших однокурсников, но если все-таки попытать удачи в Сети...

Через полчаса поисков Санька тихо чертыхнулся. Кирилл Заневский был ангелом. Только на такого пай-кодера могла найтись лишь официальная информация да резюме фрилансера с первоклассным кодом в портфолио и заоблачным ценником на свои услуги.

Справа, в поле рекламы мелькнуло чье-то лицо, и Санька перешел по ссылке прежде, чем осознал, почему он это сделал. Новая вкладка подгружалась непривычно долго, но здесь, на короткой стометровке до и после закрытого переезда через монорельс, с сетью всегда было плохо. Ну что там, давай уже... Сетература. Издательство «КосмоАстра». Так-так-так, рукописи не горят, а электронные книги блуждают по серверам?..

Вздروгнули руки, и чуть шелохнулась в си-сфере обложка книжной новинки. С электронного листа прямо в душу смотрели кристальные серые глаза. Этот взгляд вытаскивал из тебя самое ценное, что ты мог бы предложить черту или богу, и ставил на просвет. Художник постарался на славу: стоило только нырнуть в эту хрустальную радужку под сенью длинных черных ресниц чуть глубже, как сразу мерещились седые волны северного моря и графичный силуэт летящей птицы.

Толчок трогающегося с места автобуса вывел Саньку из наваждения, и он уже вполне отрешенно смотрел на скуластое лицо с тонкой бледной полоской губ и упавшей на лоб прядью черных волос. По нижнему краю изображения бегущей строкой серебрилась ниточка слов: «_overdrive_: сейчас или никогда. Правда и истина о великом Хакере». Черт побери, дожили, а.

> Прочитать ознакомительный фрагмент.

«Как уже говорилось, ни одно значимое событие в пределах Восточно-Европейского сектора так или иначе не обходилось без участия Кристиана Вебера. Так же было и в начале мая 2060-го, когда в Сеть попала информация о катастрофических последствиях взрыва на Десногорской АЭС месяцем ранее. С разрешения читателя мы опустим подробности той катастрофы, ибо информация эта сейчас находится в открытом доступе, а чуть подробнее взглянем на состав команды взломщиков, вытащивших ее на свет.

На тот момент тридцатипятилетний Кристиан Вебер, известный в транскоде (метапространстве) как Овердрайв, был директором компании «Div-in-E», насчитывавшей уже четыре филиала по всему миру. Однако изначальный состав маленького стартапа, начинавшего изготовление гаджетов дополненной реальности десять лет назад, оставался в главной Штаб-квартире компании и практически не менялся: Шанкар, Стейнар, Эйрик, Рафаэль Гарсиа Дуарте, Николь, Александр Рыков и еще несколько нейрофизиологов.

Достоверно известно, что идея взлома появилась во время банкета по поводу возвращения Александра Рыкова из двухгодичной командировки за океан. Банкет, впрочем, быстро превратился в менее культурную пьянку, стоившую жизни нескольким кактусам в кабинете Кристиана, который против обыкновения не молчал как партизан восьмидесятого уровня, а исполнил песенку неизвестного автора со строчками в припеве «как нас вставило, бо-о-оже, чтоб вас так вставило то-о-оже...». Из дневников Николь мы узнаем, что песенка эта, в которой еще упоминались «шотландские воины в юбках, под которыми нет трусов»⁶, стала впоследствии неофициальным гимном компании «Div-in-E».

Что же касается виновника торжества, Александра Рыкова, то о нем мы упоминали раньше, хотя его участие во взломе тайского сервера и революции 2051-го до сих пор достоверно не подтверждено. Из тех же дневников читаем: «Алекс сидел прямо на полу, крутя в руках бокал с вином, и рассказывал о долгом перелете в Москву. Его самолет вынужденно сел в Японии, и он вместе со всеми желающими отправился на экскурсии по ближайшим городам, в том числе по двум самым трагичным местам страны восходящего солнца – Хиросимы и Фукусимы.

– Самое страшное, ребят, это даже не сами эти города, – волна светлых волос упала Алексу на лоб, закрывая от всех затаенную боль в синих глазах. – Другое. Они там все с дозиметрами, понимаете? Всегда готовы, что вот-вот на лужу в соседнем дворе зазвенит датчик Гейгера. Это очень сложно, жить, как на вулкане. Хуже неизвестности только это «всегда готов»...»

Думается, что именно после этого рассказа идея узнать правду о такой свежей еще истории Десногорской АЭС обрела форму и воплощение. В том взломе принимали участие...»

Треньканье входящего звонка заставило Саньку вынырнуть в реальность. Пароёров. Отодвинув трубку подальше от уха, чтобы не оглохнуть, Санька попытался выпепить главное из этого словесного потока. Девять утра. Командировочные. Саров. Стенд закрыт. Ну, конечно, закрыт, я ведь еще за переездом, третьим, черт возьми, переездом на моем пути...

Пароёров орал. Переезд звенел. Санька думал.

А долговременная память, так некстати крутанувшая сейчас барабан своего револьвера, взводила курок. Овердрайв. Это имя еще с института – не пустой звук. За ним шли в запрещенный транскод и тайком модифицировали импланты, отключая в них блокировки по умолчанию, заданные правительством, вырубая в них отслеживание геолокации, поисковых запросов, подменяя себя-настоящих пустышками, которые послушно ходили по шахматным клеткам разрешенных сайтов в то время, как их хозяева летали в реке-под-рекой. Его знаменитое «сей-

⁶ Использован текст песни «Песня про псов, воинов и трусы» группы «Башня Rowan».

час или никогда» многие возводили в Абсолют. Кто-то пытался копировать фирменный стиль взлома, но даже с новыми квантовыми технологиями связи не хватало не то что бы скорости... Реакции. Той птичьей стремительности не хватало, и энтузиасты после неудачной попытки уже практиковались только в мечтах и с вживленными датчиками слежения под кожей. Интересно, а про пресловутую «симметрию Короля» в этой книжке тоже есть?..

– Я буду через... – начал Санька глухо, ловя все больше заинтересованных взглядов соседей на своем смартфоне, трещащем как тетерев на току. – В общем, скоро буду. Линь откроет стенд.

Кнопка сброса сработала только с третьей попытки. Словно ловя Санькину волну, смартфон в руке отчаянно грелся, обжигая кожу, и появлялось тепло на груди – замучившись перетаскивать трекер по карманам одежды, Санька кое-как оплел его каучуковым шнурком и повесил на шею. Ха, у кого-то крестик, у кого-то А-в-круге, а у него – находка века. Живая находка.

Линь отозвалась мгновенно. Да, она уже в институте. Да, бежит по корпусу на стенд. Да, видела гостей на проходной. Открыть стенд? Не проблема, Саня. Зажечь свет?.. Санька чертыхнулся, вспомнив, что для этого надо нырнуть этажом ниже, в огромное помещение с силовыми батареями и пройти его насквозь к щиту в кромешной тьме.

– Там фонарик у меня на столе...

– Я сделаю, Саня, – голос Линь был напряженным. – Не волнуйся. Езжай спокойно, до связи.

Спокойно. Да она издевается... Санька почувствовал, что его природа, которую он так тщательно маскировал и давил, природа стихийная и бездумная, бесконтрольный хаос чувств, начинает выжигать его изнутри. И над всей этой огненной бездной натянутой арбалетной тетивой звенит голос разума, что никто и не думал тебя задевать, что все вокруг хорошие, добрые, светлые, а ты зверь, настоящий зверь, которому только дай повод разорвать в клочья кого-нибудь слишком близко подошедшего.

Выдыхай уже, Александр Валько. Вот бежит по рельсам товарняк, он пройдет, как все проходит в этом мире, и через двадцать минут ты будешь на стенде. А пока...

«В том взломе принимали участие...»

Строчки книги на миг поплыли перед глазами, будто их размыли по Гауссу, и из тумана проступила вязь рукописного текста. Летящим почерком, сильно не дописывая до конца строки, кто-то вскрывал лед Правды, позволяя брызгам Истины из Прошлого догнать Настоящее:

«Так кто он для тебя, Крис?»

Одноклассник, чей сосредоточенный, упрямый профиль с тонкой прядью пшеничных волос ты видел на периферии собственного зрения во время школьного выпускного экзамена по литературе?

Кодер, который уже вовсю работал, пока остальные только-только заливались утренним кофе, и выдающий тебе простые, красивые и технически верные решения самых мозголомных задач?

Друг, с которым ты битый час мог проболтать в скайпе, а потом еще три часа переписываться в соцсети?

Надежное плечо, горячие ладони на твои усталые плечи, тихий голос, в который можно завернуться, как в домашний клетчатый плед и уснуть до утра?

Глаза цвета ладожского неба.

Улыбка, ради которой...»

Одним кликом оплатить книжку и тут же получить электронную копию на почту. Решительно отключить сеть, с силой откинуться на жесткую спинку автобусного кресла и дышать. Просто. Дышать. Впереди ужасающе долгий муторный день, а утро уже из оперы «аффор, убейся аб стену». Интерактивная книга, надо же. Санька стиснул зубы. Но как, как это работает?! Как Сеть понимает, что я на грани, что нервы натянуты, как рояльные струны, и вдруг открывает текст слоем ниже, добывая тебя каждым словом... Овердрайв. Чертов хакер. Тайный кумир юности. Человек-легенда, который хакнул само мироздание.

И почему же мне так больно сейчас внутри, больно настолько, что даже писк трекера не в силах отвлечь...

Я заглянул в твою жизнь, Овердрайв.

Это тоска. Это зависть. Это дикий первобытный огонь ярости.

Мне никогда не понять тебя, даже если я прочту тысячу книг и выучу твою библию наизусть. Все эти слова... Принятие. Нейтраль. Симметрия...

Я не смогу.

Пожалуй, только Буревестник и смог бы.

Выйдя из автобуса, Санька зажмурился от горсти дождевых капель, кинутых ветром в лицо. Да, Кирька бы смог. И я, кажется, понимаю, почему перешел по ссылке. В твоём лице, Кристиан Вебер, я увидел Кирилла Заневского. Слишком похожи, чтобы это было совпадением. Слишком похожи, чтобы я ошибся.

Паника Пароёرزова уже привычно оказалась напрасной. До прихода командировочных, застрявших у начальника отдела, Санька успел пробежаться по стенду, убрать последний мусор и тайком полюбоваться блестящими зеркалами диагностики и искривляющими пространство отражателями кассет, поднятых в усилитель. Так порой бросаешь взгляд на почти законченную картину: знаешь, что еще пара мазков, пара легких касаний кисти, три штриха подписи в углу – и вот она, свобода. Осточертевшая свобода никчемности и полной ненужности до нового замысла. Вот снимут они коэффициент усиления здесь, на «Софите» – и что дальше? Переберут усилитель еще пару раз, какие-нибудь ноу-хау опробуют, чтоб цифирь получившаяся стала побольше да посимпатичней для Заказчика. И свобода. От зарплаты, от работы, от смысла существования.

В плечо уже привычно ткнулась лбом Линь. Светлая... Никого не подпускаю к себе со спины. Никого, кроме тебя.

– Ты сегодня так поздно... – тихий голос ударил по нервам. – Что-то случилось?

– Ничего, Линь, – выдохнул Санька. – Просто закрыты переезды.

– А это что?

Тонкие пальцы скользнули за отогнутый воротник рабочей куртки, рождая дрожь в спине и армию мурашек по коже. Санька закусил губу, с трудом сдерживая рывок в сторону. Если ты сейчас не стерпишь, идиот, отпугнешь эту светлую звездочку навсегда. И вообще, в кого у тебя такая непереносимость близкого контакта и паранойя, что тебе вот-вот пережмут сонную артерию?

Шнурок, на котором висел трекер, едва заметно шелохнулся. Линь обогнула застывшего Саньку и заглянула ему в глаза. «Даже интересно, что она сейчас в них видит», – отрешенно подумал тот, отчаянно пытаясь погасить пламя в синей радужке. Девушка протянула руку вперед. Тяжесть с шеи исчезла, трекер мягко лег в ее ладонь и вдруг перестал издавать едва слышную неведомую морзянку.

– Это та штука, которую ты нашел на крыше? У пульта старого «Софита», когда... – Линь запнулась и отвела взгляд.

Когда в боксе разорвалась лампа, перепугав всех до смерти. Да, светлая.

– Да, Линь. Но мы уже говорили об этом. Ты не виновата. И сегодня будем поднимать высокое здесь... Ты и пальцем ни к чему не притрагиваешься, ясно?

Ну вот. Отлично, Александр Валько. Ты запрещаешь ей работать. Знаешь же, что она может пустить установку самостоятельно, и сделает это не хуже тебя. Только бы она смогла понять, что я не отнимаю этот адреналин отсчета набираемого батареями напряжения, не из мелкой зависти не даю крикнуть во всю силу легких магическое «разряд» и вдавить сенсорную кнопку «Пуск» так, чтоб появились выбитые пиксели.

Даже забота во благо причиняет боль, когда отнимают то, что ты считаешь своим.

– Хорошо, Саня, – Линь вздохнула и мотнула головой, а потом вдруг улыбнулась. – Только дай мне...

– Трекер? – Санька вскинул брови. – Зачем?

– Я его акрилом разрисую, – в глазах Линь заплясали чертенята. – Раз уж это твой кулон теперь.

Санька, ловя волну ничем не объяснимой радости, засмеялся и стянул через голову шнурок с трекером. Забирай, Линь. Ты точно сделаешь с ним что-нибудь классное. У тебя золотые руки.

Командировочные ворвались на стенд как смерч. Или торнадо. Не вдаваясь в тонкости метеорологии, можно было с уверенностью утверждать, что устроенный ими Армагеддон местного масштаба сопровождался срыванием крыш. Впрочем, Санька, верный своему принципу невмешательства, тихо пристроился в пультавой на краю дальнего стола и с видимым удовольствием потягивал кофе из неприлично большой кружки. Линь сидела рядом, едва касаясь Санькиного плеча. Тонкая серебристая нить духовного родства притягивала их друг к другу, с каждым часом выправляя кривое, как отражатель, мироздание, и Санька, погружаясь в странное, давно забытое состояние почти анабиоза, уже пытался мысленно построить разговор с Линь о Главном. Жемчужина, в которую превратилась за полгода заноза в сердце... Я отдам тебе всего себя, Линь. Мне больше нечего тебе предложить, но и это не мало.

Командировочные суеились, изредка бросая косые взгляды на Саньку и морща носы. Ну да, это вам не арабика из элитных магазинов, а самая обычная гадость коричневого цвета, что и кофе-то не назовешь.

– Линь, – Пароёзов возник рядом внезапно. – Подсаживайся к программистам, учишь пускать установку. Это ты будешь делать.

Девчонка замерла. Санька скрежетнул зубами, уже почти по привычке отметив более частый сигнал трекера на границе слышимости. Да он как живой, ей-богу, чувствует, когда... Но более насущные мысли развернули флаги и перешли в наступление. Что ответить тебе сейчас, начлаб? Согласиться и потом всю жизнь провести за нажиманием кнопки «Пуск»? Отказаться... А больше некому, ответит Пароёзов. Ты, Линь, да вот Александр Валько. Но Александр Валько, как бы это сказать... Слесарь? Да. Кто помнит о том, что Александр Валько вообще-то инженер-исследователь с красным дипломом программиста? Или правду тебе сказать, господин начальник? Что мы умеем пускать установку, что делали уже это, сами разобравшись в программе, которая не сложнее тетриса?

Линь неслышно спрыгнула с края стола и села рядом с молоденьким парнем, ковырявшимся в пульте управления. Тот недоуменно вскинул брови. Еще бы, девушка в рабочем халате на стенде, так еще и главная теперь в пультавой...

И что-то там у них не получалось. Уже и выгнали всех из силового помещения, и замкнули все нижние помещения, и Санька лично для очистки совести прошел все коридоры, пытаясь умирить кипящую внутри лаву злости и... ревности? А с каких пор ты, Александр Валько, получил права хоть на какую-то часть Линь? А ведь частей всего две – тело и душа.

Если будет драка, то будем драться за тело. С Артуром, с мужем-сухарем, который и не понимает, какое сокровище обрел. А душа – дело темное. И не про твою честь.

Санька вернулся в пультовую и просочился в толпу пришлых людей за спинами программиста и Линь, пытающихся достучаться к стойкам управления. Но пульт молчал, как Зоя Космодемьянская на допросе, и упорно рисовал черные квадраты вместо цветных огоньков индикации. А мы это с тобой уже проходили, Линь.

Девчонка молчала. Что ж, похоже, придется мне, раз ты не рискуешь.

– Проблема в плохом контакте на плате управления, – тихо сказал Санька, наклонившись к программистскому уху.

Мальчик дернулся. Черные глаза южанина полыхнули ненавистью к тому, кто знает больше тебя самого. Ну вот, еще и врага себе нажил.

– А вы, вообще, кто? – спросил программист зло. – Что вы здесь делаете?

Вокруг Саньки мгновенно образовалась пустота. От напряжения у него заныли скулы. Воистину, счастлив тот, у кого ответы на эти два вопроса совпадают. Тебе, мальчик, просто повезло. Легли карты у Госпожи Удачи, и ты делаешь то, для чего был создан. Наверно.

– Я инже... – начал Санька, но Пароёрзов, у которого тупые шутки никогда не держались на языке дольше пяти секунд, его перебил:

– Он ангел-хранитель «Софита», – начал коротко хохотнул, – пока он здесь, все работает и все живы.

Санька прикрыл глаза, спиной, почти ощупью, выходя из пультовой. Ах ты ж, сука такая, еще и поиздеваться решил... Зря ведь, вон уже один из этих, саровских, побежал к стойке, точно дело в том разьеме на плате.

– Александр Валько? – нудным голосом кадровика Пучковой, тетки старой и донельзя противной, врубилась в голову телефонная А-линия института. – Немедленно пройдите в административное крыло, пятьсот десятая комната.

– Зачем? – выдохнул Санька, изо всех сил пытаясь не сползти по стенке бокса как мелкое беспозвоночное.

– Психологическое тестирование. Вы что, не в курсе?

Короткие гудки. Да к черту приличия и ранги! Зайти в пультовую снова, на этот раз чеканя шаг, и бросить короткое.

– Линь, – в голосе Саньки звякнул металл. – Без меня высокое не поднимать, – и тоном ниже, – пожалуйста.

– Валько Александр Борисович? – практикантка поправила съезжающие на нос очки, отчего солидности в ней не прибавилось ни капли. – Проходите, присаживайтесь вот сюда...

Санька примостился на шаткий стул перед сенсорным монитором, который был встроен прямо в стену так, чтобы практикантка могла видеть всё, что А. Б. Валько, он же Испытуемый №238, будет делать в ближайший час, отведённый на психологическое обследование с целью диагностики профессиональной пригодности.

– Подпишите, пожалуйста, – подойдя слева, практикантка сунула Саньке тонкий полимерный лист планшета. Буквы сложились в слова, а слова – в короткую фразу: «Информированное согласие. Я (оставьте отпечаток указательного пальца) согласен на проведение следующих процедур...»

Далее шрифтом, словно созданным специально для изощрённых пыток слабовидящих людей, были перечислены методики предстоящего тестирования. Санька не глядя ткнул пальцем в нужное место и вернул планшет девушке.

– Хорошо, – кивнула практикантка, отчего очки вновь чуть не слетели с её короткого носика на пол. – Пожалуйста, расстегните воротник и протяните перед собой руки...

Сознание Саньки выдало запоздалое «Ахтунг, хозяин, надо было читать, на что подписываешься», но быстро смолкло, припечатанное железным «Назвался груздем – не говори, что не дюж».

– Вы не переживайте, – тихо щебетала девушка, настраивая программу. – Здесь нет правильных или неправильных ответов, есть только те, которые вы считаете верными для себя. Все результаты анонимны и конфиденциальны, так что вы можете смело выражать свою точку зрения...

Стараясь не нарушить пресловутую границу личного пространства, практикантка охватила запястья Саньки гибкими обручами, тёплыми и чуть шершавыми, словно змеи электронной эпохи. Следом её еле заметно дрожащие пальцы наклеили пару датчиков на то место, где, по предположению девушки, должна была находиться сонная артерия подопечного.

Санька дёрнулся, как от разряда, и резко развернулся на месте, от чего практикантка чуть не упала в обморок.

– Простите... Я сделала вам больно? – в глазах юной психологини набирала обороты самая натуральная паника. Санька глубоко вдохнул, вновь развернулся к экрану и помотал головой. Эх, девочка, ты как роза без шипов. Ничего, через год работы с людьми кожа твоей души загрубеет достаточно для того, чтобы не обращать внимания на такие пустяки...

– Алёна, ты почему до сих пор не начала? Из-за твоих бесед весь график тестирования летит в тартарары!

За секунду до включения программы тестирования Санька, на автомате перешедший в режим «Кругом враги», успел уловить в тёмно-серой поверхности монитора отражение распавшейся входной двери, а в проёме...

Быть этого не может. Ангелина?

– Мы уже, Ангелина Павловна, – бодро отрапортовала Алёна, и только её губы, миглом потерявшие свой очаровательный изгиб, сложились в тонкую ровную линию. Что же ты за человек, госпожа Святцева, что любого, кто находится с тобой в одной комнате, неодолимо тянет нацепить на лицо непроницаемую маску?

– В первой методике предусмотрено три варианта ответов: «Да», «Нет» и «Не знаю», – вместо Алёны с Санькой заговорил компьютер. – Старайтесь не злоупотреблять вариантом «Не знаю»...

1. Я готов (а) искренне и честно ответить на предложенные мне вопросы.
(да) (не знаю) (нет)

Санька перевёл взгляд с вопросов на отражения двух Фемид, одна из которых была ещё совсем юной и неопытной, не растерявшей веру в то, что человек человеку – человек, а вторая уже давно достигла вершин мастерства в умении причинять радость, догонять и ещё раз причинять её...

Так странно – смотреть в стекло, как в другой мир: зрочки ловят фокус позади отражающей поверхности, словно бы там, за тонкой гранью, течёт и бьётся параллельным потоком другая жизнь, сшитая с этой долбанной реальностью тонкой серебристой нитью. Другая жизнь, что в разы более... настоящая?

Санька еще немного понаблюдав, как Ангелина Павловна прошла за стол с деланным равнодушием ожившей статуи. Да, конечно, отыграем чужих друг другу людей, которые встретились-то впервые в жизни на этом чёртовом исследовании и спустя час разойдутся каждый на свой маршрут... А потом он поймал взгляд Алёны.

Напряжение. Сочувствие. И... бессилие?

Практикантка не спускала глаз с Санькиной спины, и почему-то от её взгляда в стылом кондиционированном воздухе кабинета становилось чуть теплей. Ладно. Тебе, Алёна, я, пожалуй, не стал бы лгать.

(Да).

2....

3....

4....

Следующие три вопроса касались какой-то проходной ерунды и были поименованы Буревестником как «пляски горностая, жмите что угодно, оставайтесь на линии, ваше мнение очень важно для нас, аааах...».

5. Бывало, что я обсуждал своих знакомых в их отсутствие.

(да) (не знаю) (нет)

«Это шкала искренности, – всплыла в памяти подсказка хакера. – Даже если ты немой от рождения, отвечай „Да“».

Что ж, так тому и быть. Тем более, хотел бы я видеть человека, который бы никогда в жизни этого не делал. Как там у Булгакова? «Есть что-то недоброе в мужчинах, избегающих вина, игр и общества прелестных женщин...»

6. В последнее время я плохо сплю.

(да) (не знаю) (нет)

Санька резко выпрямился и сжал пальцами край шаткого стула. Не знаю, что ты там себе считаешь, хитроумная прога, только б ты не подумала, что этот зашкал пульса в горле – верный признак наличия каких-нибудь скелетов в моём шкафу. А, впрочем, лучше уж думай, что я насквозь проворовавшийся жулик, чем вытаски на свет божий весь этот раздраз с женой, дочерью, трекером, Линь...

Стоп. Не думать. Не. Думать.

Ты пуст, Санька. Сейчас ты тряпичная кукла вуду, набитая соломой от макушки до пяток. Но ведь солома так легко вспыхивает от любой искры...

7. Если мнение начальства противоречит здравому смыслу, а принятое руководителем решение представляется мне ошибочным, я, как правило, предпочитаю промолчать по этому поводу.

(да) (не знаю) (нет)

«Чуваки, кто не может промолчать – выбирайте „не знаю“, скинете набранный балл в двадцатом вопросе...» – вещал в голове тихий голос Кирьки.

К чёрту нейтраль, Буревестник. Никто не даёт гарантий, что если сделать, как должно, то и будет как надо...

(Нет).

Оставшуюся пару десятков вопросов Санька пролетел на автопилоте, равно как и тест на скорость реакции, таблицы с перепутанными цифрами и короткую методику на цветовой

выбор. «Постарайтесь забыть о ваших предпочтениях в одежде, выбирайте, какой оттенок вам нравится именно в текущий момент», – робко подала голос Алёна. Так и быть...

Чёрный. Красный. Серый. Синий. Коричневый. Жёлтый. Зелёный. Фиолетовый.

Экран осветил уставшее Санькино лицо благой вестью текстовой строки «Тестирование завершено», и пару минут испытуемый №238 бездумно наблюдал, как Алёна ловит листы распечатки, со скоростью горячих пирожков в фастфуд-забегаловке вылетающих из принтера, а Ангелина Павловна горой нависает над её плечом и просматривает интерпретации, выданные машиной, кое-где внося свои правки. Вечно ты правишь меня, жёнушка... Даже сейчас.

Один лист был упущен растерявшейся Алёной и, словно белая чайка на набережной Невы, невесомо спикировал Саньке под ноги. Стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, Санька покосился на пол.

«...Страдает от подавляемого сверхвозбуждения, которое грозит найти выход во вспышках импульсивного и необузданного поведения. Относительно пассивен и находится в статичном состоянии, хотя тот или иной конфликт и мешает душевному покою. Его природная способность ко всему подходить с позиций критической „разборчивости“ превратилась в отношение „резкого критиканства“, которое все отрицает и надо всем глумится...»

Чёрт подери. Забыл. Яркие цвета – вперёд. «Улыбку – на рожу, иначе...», далее непечатные примечания Кирьки. Санька устало прикрыл глаза, но пробудившийся интерес к «дурацкой методике», которая даже не вопросами, а одними лишь цветными карточками вскрыла самую его суть, заставил его вновь взглянуть на распечатку.

«...Ни в ком он не встречает доверия, расположения к себе и понимания... Считает, что ему отказано в том признании, которое существенно важно для того, чтобы он сам мог себя уважать и что он ничего не может с этим поделать. Сломлен борьбой с трудностями, которую ему приходится вести в одиночку, не получая никакой поддержки. Хочет избавиться от этой ситуации, но не хватает силы духа, чтобы принять необходимое решение».

Санька стиснул зубы. Сейчас или никогда, так ты писал, Овердрайв?..

Ладно, чёртов тест, добивай.

«...Неспособен добиться отношений, которые могли бы удовлетворить его с точки зрения взаимной привязанности и взаимопонимания... В выборе партнера пользуется очень строгими критериями, в сексуальной сфере стремится к довольно нереальному идеалу.»

Какого хрена ещё и...

Санька развернулся, случайно сорвав с шеи датчик и вторично напугав Алёну. Ангелина Павловна покачала головой – мол, не врут тесты, вот полюбуйте, низкий самоконтроль, импульсивность, чересчур выраженная прямолинейность, склонность к депрессивным эпизодам... Размах в колебаниях настроения усвистел далеко за границы допустимой нормы, а в довершение ко всему высокий неконформизм позволяет с полной уверенностью утверждать, что...

– Александр Борисович, – словно марионетка, судорожно выдохнула Алёна. – У вас ээ... довольно нестандартный личностный профиль, но дело в том, что вот по этой и той шкале вы немножко... сильно не вписываетесь в рамки, заложенные новыми методическими рекомендациями по отбо...

– Вы не соответствуете занимаемой должности, Александр Валько, – ледяным тоном произнесла Ангелина Павловна, перебив стажёрку. – В течение месяца будет поставлен вопрос о вашем увольнении или, – едва заметная насмешливая улыбка тенью коршуна промелькнула по лицу Святцевой, – переводе на другую должность.

Сволочь ты натуральная, подумал Санька. Садистка. Знаешь ведь, прекрасно знаешь, что нет у нас никаких «должностей для перевода». Ну давай, чертовка, займи свою любимую

позицию сверху. Прочти мне мораль о том, что я не вписываюсь в этот дивный новый мир и что сам в этом виноват. И заодно подумай, на что ты жить будешь, если меня уволишь.

– Месяца мне хватит, – выдохнул Санька, глядя жене прямо в глаза. – На всё.

Бросив остаток сил на контроль собственного тела, он поднял с пола недостающий листок, продолжая выжигать взглядом Ангелину Павловну, и с непередаваемым наслаждением увидел, как вскрылся лёд самоконтроля в её гречишных глазах, когда в напряжённой тишине комнаты раздался звук разрываемой пополам бумаги. Вместе с ни в чём не повинной распечаткой рвётся шаблон процедуры, рвётся сама ткань мироздания, открываются порталы для тех, кому уже некуда бежать, и настанет время уйти, оставив по себе дирижёрский взмах собственной подписи да финальный аккорд хлопнувшей двери.

Возвращался от психологов Санька в состоянии полутрупа. Он чувствовал себя лишним. Не вписывающимся в рамки. Не отвечающим ожиданиям. Не винтиком в системе, а песчинкой в точном механизме всего этого межмирья. Он ненавидел себя. И все вокруг. Готовый взорвать Вселенную, он готов был взорвать себя без особых сожалений. И не было спасения от этого. А еще было стойкое ощущение, что сегодняшнее тестирование дало ему вольную от Ангелины Павловны. «И от работы тоже», – робко напомнил зануда в правом подреберье.

И что дальше? Как жить? Искать новую работу – менять шило на мыло. Такого слесаря, инженера-на-все-руки оторвут с этими же самыми руками. Только вопрос, хочу ли я нового витка этой спирали. Или послушать все-таки Анискина, уйти к нему хоть багетчиком, все ближе к картинам...

Но при всем том не было импульса. Не было вектора. Санька искренне не знал, чего хочет. Все, что он примерял к себе, в той или иной степени казалось или невозможным, или неподходящим. А может надо идти от противного? Если я не знаю, чего хочу, то и хотеть не надо? Может на самом деле правы эти чертовы психологи, и я просто ищу тьму в свете? Все ведь хорошо со стороны, работа, зарплата, маленькая, но стабильная, квартира, угол свой худо-бедно, если не вникать в юридические заморочки, жена, дочь... Линь тебе подавай, непутевый. Свободу ветра без почвы под ногами. Счастье небесное. Размечтался, дурак. Цени то, что имеешь, потом плакать будешь.

Лестница, переход, башня. Что-то толкнуло Саньку в грудь. Нет, не пешком вниз, хотя хорошо бы. Отдышаться и подышать. Санька не курил, но знал, как на него действует сигаретный дым. Пассивный курильщик, да, но как же сейчас хотелось уловить этот дымок, пусть едкий, самых дешевых... Как их там...

Лифт домчал его на новый «Софит» с такой скоростью, что заложило уши.

Что угодно сейчас. Сигарета. Кофе. Спирт. Кажется, оставалось в каморке...

Он всех подвел. Стенд загнется без него.

А если не загнется?

Если он, Александр Валько, не такой уж незаменимый...

Эту мысль Санька додумать не успел. Тяжелая металлическая дверь в пролет хлопнула за спиной, и первое, что он услышал за гулом взволнованных голосов, были сдавленные рыдания. Санька замер. Его пробитый психологами самоконтроль сбоил со страшной силой. На стенде. Кто-то. Плачет. Навзрыд, черт побери.

Этого не должно быть.

Сбежать по маленькой лесенке, прогремев на каждой ступеньке железными носками рабочих ботинок, – дело десятка секунд. Остановиться на крутом повороте, уцепившись рукой за поручень – в лучших традициях Катьки у пилона. И увидеть...

Как Линь с искривлённым лицом корчится под лестницей, захлебываясь сдавленным криком.

Как дрожащие пальцы этого ангела во плоти пытаются справиться с зажигалкой и не могут, сбивают какую-то серебристую планку, и весь механизм сыпется на пол.

Как в ее ладони, напряженной до предела, беззвучно ломается сигарета.

И пульс в ушах начинается играть тяжелый рок ярости. Так можешь ты себе ответить сейчас, Александр Валько, почему та, которую ты любишь всей душой, сейчас смотрит на тебя с таким ужасом в светлой радужке? Из-за того, что тут стряслось за этот час или из-за тебя самого?..

Не подходить. Не обнимать. Не прикасаться.

Изомнешь, как цвет, сломаешь эти хрупкие плечи.

Психологи правы. Вспыхивает соломенная кукла, но даже не от огня, а от воткнутой в тело иглы.

– Что случилось, Линь? – выдавил Санька, отступая на шаг и впечатываясь спиной в стену.

– Батарея... пятая... взорвалась... – Линь всхлипнула и вдруг, что есть силы, швырнула на пол зажигалку и растерла в руках сломанную сигарету. Ее плечо прошила короткая судорога.

Санька молчал. Обнять бы... Нет. Нельзя.

– Ты куришь? Не знал.

– Аритмия, – тихонько шепнула Линь, и протянула Саньке руку. – Прости. Я знаю, сигаретами сердце не лечат...

Санька молча смотрел на протянутую ему руку. Душа ухнула из огня да в полымя, от пятисот по фаренгейту в абсолютный ноль космоса. Критиканом, значит, я стал, да? Хорошо. Допустим, про аритмию я догадался и сам. Хорошо, курят сейчас все. Почти. И рад, если не синтетическую гадость.

– А это что? – Санька, уже не контролируя себя, схватил девушку за запястье и отдернул рукав халата.

Линь коротко вскрикнула, пытаясь вырваться. Ее кисть плотно обхватывал черный ремешок с блестящими заклепками.

– Так ты еще рокер-байкер и хрен знает кто... – протянул Санька. – Ну, чего я еще о тебе не знаю?

Линь на миг замерла. В ее глазах, обращенных на Саньку, неумолимо поднималось высокое. Твой немой вопрос мне ясен без слов: с какого перепугу ты вообще должна мне что-то про себя рассказывать? Не знаю. Но, кажется, должна.

– Кто. Пускал. Батарею?

Линь стиснула зубы, но не отвела взгляд.

– Ты?

– Да.

– Значит, нечего реветь, – говорил Санька, и чувствовал, как готов удавить сейчас сам себя. – Я просил вас всех подождать.

Линь замерла на вдохе. Ничего, девочка, захочешь жить – выдохнешь. И вдохнешь снова.

– Все вопросы к Пароёрзову... И этому, главному, из пришедших, – Линь прикрыла глаза. – У тебя б она тоже взорвалась, хоть ты и ангел-хранитель стенда... Отпусти мою руку. Пожалуйста.

Санька медленно разжал пальцы и отвернулся, чтобы не видеть, как красные следы от них наливаются синим. Что же ты натворил, что же ты... За спиной все-таки чиркнула спичка. Потянуло дымом, но, увы, ненастоящим. С запахом корицы. Черт, значит, тоже синтетика.

– Подойди ко мне, Линь, – тихо попросил Санька, опираясь сцепленными руками о стену. – Подойди, если не боишься. Если...

Теплое прикосновение к спине погасило последние угольки гнева. Как ты там говорил, Овердрайв? Задавал вопрос, кто ты. Кому, интересно только... Не успел дочитать, да и неважно. Ты мне коллега, Линь. Ты мне лучший друг, светлая. Ты мне любимый человек... И одно-другому-третьему не мешает.

Тихий писк смешался с запахом корицы. Абсурд, но Санька сейчас уже не ручался за свои шесть чувств. Просто все слилось в одну картинку.

– Отдай мне трекер, – сказал Санька.

Коричное дыхание опалило шею. Горячий металлический брусок упал в карман рабочей куртки. Санька неувловимым движением поймал белую ладонь, еще касающуюся грубой холщовой ткани.

Линь вздрогнула. И поделом мне. Теперь она будет бояться меня всю жизнь. Санька осторожно прижал ладошку к губам, тихо прошептал в самую серединку, где кожа вопреки касанию металла и токсичных жидкостей каким-то магическим образом осталась тёплой и мягкой, как шёлк:

– Твои руки, Линь, как руки хирурга, чувствуют механику... чужой души. Слушай... Я сейчас пойду к ним. А ты побудь здесь. Обещаешь?

– Да, Саня.

Ошметки взорвавшегося коммутатора валялись по всему силовому помещению, а его останки кто-то сердобольный уже вытащил на свет божий из недр батареи. Санька, не обращая ни на кого внимания, присел перед изуродованным бутербродом электронных элементов и провел кончиком пальца по оплавившимся тиристорам. На каком старье работаем, боги Сети... Неужели еще сотня лет пройдет, а мы все так же будем торчать в двадцатом веке, получая новые технологии из-за границы с опозданием на эпоху?

В поле зрения появились Пароёзовские ботинки. Санька хотел было подняться, но передумал. Я действительно виноват.

– Это была ошибка монтажа, – сказал Пароёзов негромко, словно прочитав Санькины мысли. – Слава Богу, не нашего, а субподрядчика. Батарею починят за следующую неделю. Тебе повезло, Александр Валько.

– Почему? – глухо спросил Санька, не поднимая головы.

– Потому что я могу свалить вину на кого-то другого. Но следующая авария будет на твоей совести, слышишь?

– Я не начальник стенда. Он в отпуске, а я всего лишь... – Санька поперхнулся и закашлялся. Едкий запах горелого вгрызлся в легкие.

– Всего лишь ангел-хранитель стенда, – Пароёзов пихнул ногой сгоревший коммутатор, из которого от удара посыпались еще чудом державшиеся элементы. – Так уж попроси в Небесной Канцелярии, чтоб такого больше не было.

Чтоб такого больше не было.

Больше не было.

Не было.

Санька тихо накрыл матом весь белый свет. Амба. Вечер пятницы. Всех взашей отсюда, все равно с разгона не починить. Внутри зрела уверенность, что это не последнее ЧП, но Санька старался об этом не думать. И звенели горькой полынью и медным привкусом на языке всплывшие в памяти строчки забытого стихотворения...

Развлекайся, о Господи. Я устал
Править копии лиц с твоего листа,
Чтобы ты на клочья их рвал потом.
За рекою стартует Полынь-звезда,

Мой последний небесный дом.⁷

⁷ Использован текст стихотворения Анны Закревской «Последний из зорчих».

Глава 4

Если карьерным ростом называют обычно то, что происходит в вертикальном направлении, то профессиональный путь Кирьки был скорее похож на пресловутое «мыслью по древу», на полёт белки с одной кроны на другую. Ответственный исполнитель, сдача проектов раньше срока, поиск двери на выход там, где остальным видится стена с нарисованным на ней очагом – и никогда, никогда фамилии Заневского на титульниках этапных отчётов и в научных статьях, написанных по мотивам его достижений.

Чего скрывать, Буревестник и сам не стремился к славе да влиянию, к тому, что понимается под словом «власть». Организатор, честно говоря, из него был фиговый. Внутренней мотивации у Кирьки хватало с избытком, но она упорно не желала воплощаться во внешнем мире в качестве прутика-стимула, которым умелый руководитель то щекочет своих подчинённых, то, бывало, протягивает вдоль хребта.

Кирька слишком сильно ценил свободу других от себя. Равно как и свободу себя от других.

«Потому и остался в обществе компа да кошки, – подколот хакера внутренний голос. – И чего ради ты вообще живёшь, птаха? Кому ты, чёрт подери, нужен?»

Отправив письмо со вложенным файлом – дописанным точно в срок характерологическим модулем искусственного интеллекта, Кирька устало вздохнул и помахал рукой перед экраном, приказывая машине перейти в спящий режим. Вот, одним компаньоном меньше. Осталось достать пакетик кошачьего корма, и тощую, как хозяин, трёхцветную животинку резвым аллюром унесёт на кухню.

А вот теперь – абсолютное одиночество.

Не раздеваясь, Кирька повалился на диван. Успеть бы вырубиться за ближайшие полчаса, иначе фига с два он уснёт...

> *shutdown*

На остановке было тихо и пусто. Конечно, в пятницу нет разницы, кто ты – научный сотрудник, инженер или рабочий. Все штурмуют проходную в три часа дня, а в пять-нольшесть, как сейчас, через турникет проходят самые отъявленные несуну и трудоголики.

Санька, привалившись к теплой шершавой доске этого старинного укрытия от дождя, ждал автобус в Колпино. Он любил вот так погреться на Солнце, сощуриться на его игольчатый нестерпимо яркий бок за сизой тучей и выключить в голове все мысли до единой. Но после сегодняшнего дня последний пункт был почти что невозможным. Да еще и в нижнем веке на правом глазу завелся какой-то нервный персонаж, которого нещадно колотило от одного только намека, что вот-вот, через каких-то три часа, он будет дома, рядом с Ангелиной Павловной. Нет, каким бы хорошим актером я ни был, а после такого спектакля мне уже не посмотреть ей в глаза спокойно. Интересно, в ней хоть что-нибудь шевельнулось, когда я ушел? Ну, хоть капля... Сострадания? Стыда? Сочувствия? Почему все труднодоступные загрубевшему человеку чувства начинаются именно с буквы «С»? Или всё это оказалось помножено на ноль Самоконтролем и Субординацией ведущего специалиста по психодиагностике, который в рабочее время должен напрочь забыть о том, что кем-то кому-то приходится, иначе сам будет с треском уволен за профнепригодность?

А ведь была какая-то здравая мысль сегодня в этом аду. Санька начал прокручивать фильм ужасов в обратную сторону и потрясенно замер, забыв даже моргнуть, глядя на Солнце. Трекер. Словно. Живой. Да, черт побери, да, он словно чувствует меня, отзывается на мои

эмоции. Не бессистемно, а только когда во мне вспыхивает пожар. И писк его, противный этот зуммер в кармане, он не просто так. Но кому, кому придет в голову создавать такую безделицу?

Из-за поворота шоссе показался «подкидыш». Так в институте называли маленький юркий флаер, который раз в двадцать минут летал к метро и за умеренную плату даже разрешал посидеть на крыле при нехватке сидячих мест. Впрочем, сейчас он пуст, а это значит, что жизнь опять решила все за меня. Но и к лучшему. Ангелину Павловну мне сейчас видеть муке подобно, сорвусь, задам по первое число, а город лечит. Пройтись по центру, посидеть в кафе... И кое-кого отблагодарить за помощь.

from: Salamander

to: _thunderbird_

Привет, птица. Где ты нынче обитаешь, в Питере? Хотел встретиться с тобой. Есть, за что поблагодарить, есть, что показать.

«Ты зачем ему написал, дурак?!» – возопил мозг Саньки уже после того, как сообщение ушло получателю и, самое страшное, тут же потеряло синий оттенок, ибо было прочитано мгновенно. Действие-до-мысли, овердрайв-стайл, черт побери. И что дальше? А если он согласится...

Но Санька и сам понимал, что ему нужна помощь. В институте он дешифровкой не увлекался, значит, следовало поднимать старые связи... Санька едва заметно поморщился и прикрыл глаза, крутя в загрубевших пальцах трекер. «Старые связи» предполагали встречи с однокурсниками и глубокое погружение в мир юности, полной амбиций и наполеоновских планов. Но даже если так, к кому идти? Очевидно, к отличнику. Санька отнюдь не разделял мнение многих, что оценки ничего не значат. Однако отличником, круглым отличником, круглее просто нет – ни одной четверки за пять лет, был в том выпуске он сам. Но за -надцать лет работы кем угодно и где угодно, только не по специальности, он растерял все знания, и в памяти сидело только смутное понимание, как написать машину Тьюринга, да обрывки определений чего-то жуткого, вроде «рабастности» и «эмерджентности». Значит, идти не к отличнику, а к тому, кто уж точно не бросил программирование ни за какие коврижки. К тому, кто дышал этим пять лет учебы, забывая на все остальные предметы настолько, что пару раз был едва не отчислен. К тому, кого Санька искренне ненавидел, ибо слово «конкурент» тогда в его критериях приравнивалось к «врагу»... Ну что ж, Кирька, Кирилл Заневский, известный всему институту под ником Буревестник, мы снова встретимся. И на этот раз я буду просить помощи, чего не делал раньше никогда.

«Хотел встретиться с тобой...»

Кирька пару раз моргнул и ещё раз перечитал письмо, стараясь не поддаваться нарастающей панике под заголовком «до тебя пытаются добраться». Нет, хотели бы – уже давно добрались бы, через того же Антуана (он же Экзюпери), с которым они наворотили много дел на пятом курсе и уж явно были связаны плотнее, чем с Санькой Валько.

Нет, к чёрту встречи с прошлым. Ни разу Кирька не появился на встречах однокашников после окончания школы, ни разу не был изловлен цепкими руками однокурсниц, не был притащен на сборища выпускников института.

Чего ты боишься, Буревестник?

От кого ты бежишь?

От тех, кто помнит, какого цвета были твои перья ...цать лет назад, а потому не готов увидеть и принять их нынешний окрас?

Поблагодарить...

Кирька фыркнул. Не нуждался он ни в чьей благодарности. Обычно после неё требовалось ответное «алаверды», шаг за шагом заводящее двоих людей в трясины созависимости друг от друга. Да и за что благодарить? За то, что когда-то давно, единственный раз, взял Саньку-Салмандру с собой на взлом, показал ему другой мир, запретный мир реки-под-рекой, в котором гулял ветер истинной свободы?

А вот насчёт «показать»...

Ладно, Валько, если тебе нужен молчаливый восхищённый слушатель, который полюбуется твоими достижениями в жизни за эти самые ...цать лет, то вот он я – парень с галёрки, который как бы ни старался, не мог догнать тебя почти ни по одному предмету, и только по информатике имел во все щели. Ну да ладно, кто старое помянет, тому глаз вон.

«А кто старое забудет, тому оба», – само собой возникло в кирькином мозгу окончание поговорки, давнее увлечение лингвистикой так некстати дало о себе знать...

А, ладно.

from: _thunderbird_

to: Salamander

привет ящерица.. сейчас в спб, да.. завтра вечером свободен, после 18.00 выбирай место..

Так. Завтра после шести. Нет, это меня не устраивает. Санька зажмурился. А ведь вот он, твой шанс быстренько свернуть внезапно открывшуюся переписку, наложить жгут на воспоминания, хлынувшие из памяти широким потоком... Как этот худющий паренек добивал тебя на парах скоростью написания кода, когда ты еще ковырялся в подключенных библиотеках, а он уже ставил end. Как этот урод, без слез смотреть нельзя, смазливый темненький пройдоха, штабелями девок укладывал у дверей своей комнаты в общежитии... Как ты, к счастью, не дурак, удержался от того, чтобы не пойти вместе со всеми бить морду этому засранцу...

Ящерица. Не рак. Нет, пока я на попятный не иду. Хотя и не понимаю, зачем ты мне, Буревестник.

from: Salamander

to: _thunderbird_

Я свободен сейчас и до глубокой ночи. Может, найдется для меня время сегодня?

Выведя на боковой монитор недоделанный интерфейс очередной проги, Кирька прищурился на строки кода. Сегодня. Всем надо внезапно и сегодня. Ладно, до десяти вечера он точно успеет сдать один мелкий заказ, даже пятую точку рвать не придётся... А потом посмотрим, кто из нас дольше сможет остаться онлайн: я – ночная птица, или ты, ящерка, засыпающая с последними лучами солнца?

from: _thunderbird_

to: Salamander

глубоко – это, например, в полночь?

«Что скажет Ангелина Павловна...» – простонала правильная подкаблучная половина Санькиного «Я», представляя молчаливый погром в духовном мире хозяина, когда жена откроет ему дверь не раньше, чем в третьем часу ночи. И что ты ей скажешь? Смотрел развод мостов и застрял на Ваське? Или в гостинице на Лиговке Линь ласкал? Или, черт побери, встречался с мужиком, которого не видел чуть меньше двадцати лет?!

Никогда я не был хакером. Им и не стану. Санька чувствовал, как эта игра выходит из-под контроля. Да это не игра уже, а прицельное метание ножей. Но ты, Александр Валько, не умеешь проигрывать. Тогда блефуй.

from: Salamander

to: _thunderbird_

Север напротив Гостинки работает круглые сутки. а тебя не отругают, что так поздно?

– Язва ты, Санька, – усмехнулся было Кирька, но в следующий миг мелкий пенный след искреннего возмущения фразой «не отругают?..» смыло невесть откуда взявшейся волной... сочувствия?

Кирька закрыл глаза и откинулся в кресле, пытаясь понять, каким ветром принесло ему в лицо лёгкую нотку полынной горечи, от которой вырубилась даже его вечно включённая опция «отмочить что-нибудь смешное и язвительное», а потом словно наяву услышал тихий санькин голос. Тебя-не... Ну, а меня самого, то есть Саньку?

Отругают, наверняка отругают, ибо есть кому ругать человека, отягощённого семейным багажом. «В отличие от меня», – подумал Кирька, но отчего-то веселее ему не стало ни капли. Впрочем, окольцовывая свою благоверную, как там её, ты должен был понимать, на что идёшь, Валько. Недаром помимо стандартных «Согласны?» в ЗАГСах проводят ещё и экспресс-ЭЭГ на вменяемость кандидатов в молодожёны.

from: _thunderbird_

to: Salamander

по себе не судят)

я забиваю столик в углу.

Полночь не полночь, а все один черт в город, хоть и только шестой час вечера. Санька трясся в вагоне метро, убаюканный гулом поезда. Вот и хорошо, вот так и надо... Сорваться. Освободиться. Сделать то, что хочешь.

Паника накрыла его внезапно, когда Трус внутри выставил перед глазами портреты Ангелины Павловны, Катьки и Линь. «Что ты делаешь, Саламандра? Остановись, пока не поздно, – вещал Трус. – Да, сокурсник. Да, давно не виделись и век бы еще не видеть. Я бы не поехал. Зачем он тебе, этот Буревестник? За ответы на тесты ты спасибо можешь написать и сообщением, а трекер – это ничего не стоящая ерунда... Ты вот о чем подумай. Что скажут все твои, если узнают, что ты посреди ночи встречался с кем-то в центре города? Тебе помочь? «Первая любовь, свидание, сразу – как тебе его подогнали, чуть только с женой разладилось...». И всем будет глубоко наплевать, что Буревестник отнюдь не дама, а мужик... Чего под лунной не бывает». И трекер, так жгуший сейчас кожу, боится не меньше тебя. Боится этих тонких хакерских пальцев, на чье растерзание ты хочешь его отдать.

from: Salamander

to: _thunderbird_

Прошу прощения, Кир. Тут документы на недвижимость надо из области забрать... Извини, что взбаламутил. Потом, как-нибудь увидимся.

«Извини, что...»

У-у, ещё не встретились, уже извиняться...

Кирька удручённо покачал головой. Похоже, кое-что в некоторых людях не меняется.

Во-первых, если б тебе вправду припёрло забрать документы, ты бы об этом не стал писать кому попало. А во-вторых, запятая после «потом» – лишняя. Если я пишу нарочито неграмотно, то это ещё ни черта не значит, Валько, это помогает приглушить бдительность, показаться своим-в-доску, а в это время по единому лишнему знаку отследить состояние человека, словно по неверно взятому символу поймать критическую ошибку в программе.

Мысли Кирьки взвились в небо стайкой перелётных птиц, а его тонкие пальцы сами собой потянулись к сенсорному экрану, развернули си-сферу...

«Как ты был пай-кодером, не умеющим скрыть ни истину, ни собственные эмоции, так им и остался», – ещё успел подумать хакер, прежде чем с головой нырнуть в одну из баз данных. Но тебе нужна помощь. Очень нужна, Санька, и чёрт знает, как я это понял – может, вспомнил, что ты обычно пытаешься атаковать первым, чтобы скрыть собственную уязвимость – вот как сейчас этим «Тебя не будут ругать?», а может, сама Сеть выдала мне прямо в нужную извилину твой отчаянный позывной. А короткое окошко нелегальной риэлторской базы, возвещающее о том, что никаких сделок с недвижимостью у тебя не было и не предвидится, лишнее доказательство тому, что тебе нужна помощь. И чем скорее, тем лучше. Давай, Валько, хорош метаться. После запроса авторизации мышкой не машут.

from: _thunderbird_

to: Salamander

Санька. Сегодня. В восемь вечера. Или никогда.

Наплевав на правила дорожного движения, Линь летела чуть не по середине трассы, почти по самой нейтралю, ежесекундно рискуя превысить скорость с «предельно допустимой» на «разрешённой только для камикадзе». Встречный ветер бил по глазам, проникая в узкую щёлку не до конца закрытого шлема, и лохматил тёмную чёлку. Без ветра девушке было тяжело. А в её голове сами собой складывались строки стихотворения:

Если уйду незамеченным в ночь,
Дважды в двери повернув длинный ключ,
Даже и «Лиза Алерт» не найдёт,
Ибо не вспомнят, во что был одет,
Что говорил, улыбался когда...»⁸

«Почему ты пишешь от лица мужчины? – голос матери, которой Линь не звонила уже целые (о катастрофа!) сутки, так некстати ввинтился в ровную, почти маршевую мелодию текста. – Ты вообще э-э... нормальная? Ну, в смысле ориентации...»

Усилием воли Линь заткнула мамин голос, лишь её пальцы дрогнули на потёртой рукоятке газа, заставляя мотоцикл выложиться для своей хозяйки ещё больше обычного.

«...В горсти пять вёсен песка и воды,
Тысячи лиг вдоль железных дорог,
Светлые ленты неназванных рек...»⁹

⁸ Анна Закревская «Мантра бездорожья»

⁹ Анна Закревская «Мантра бездорожья»

Последний луч закатного солнца высветил за поворотом левую половину дороги, заставляя стволы деревьев вспыхнуть рыжим, словно бы они и вправду были охвачены лесным пожаром. А справа, в прохладно-фиолетовом сумраке наступающего вечера, по-прежнему продолжали тянуться ровные ряды двухэтажных коттеджей, которые отличались друг от друга лишь порядковым номером на углу.

Сколько раз она, зачарованная видом на далёкий горизонт, проезжала на полной скорости нужный поворот к одному из таких коттеджей, где на ста квадратных метрах, обставленных в стиле «хай-тек класса люкс», девушка могла бы назвать своими лишь два угла, в одном из которых стояло кресло-капля с принтом в виде звёздного скопления, а вторым был угловой треугольный балкон с видом на огни восьмиполосной трассы?

«Плоха та жена, что не спешит с работы домой! – на этот раз в эфир ворвался совсем посторонний голос, принадлежащий какой-то набожной олдскульной бабушке, которую Линь на днях перевела через дорогу. – Мужа любить надо, после свадьбы жена ему принадлежит, потому и фамилию должна менять... А детишки-то есть у вас? Как нет, три года вместе – и до сих пор нет?! Плохо, очень плохо...»

«Ага, бабка, и это ты ещё не в курсе, что в паспорте я оставила свою прежнюю фамилию, – злорадно подумала Линь. – Тебя бы инфаркт хватил от такой моей дерзости...»

Ах, да к чёрту все эти хождения вокруг да около. Просто признайся себе, девчонка, что не хочешь ты детей от человека, который когда-то (те самые три года назад) сказал, что любит тебя, а сейчас уже ясно, что и делаешь ты всё неправильно, и говоришь не то, и чувствуешь не так, а нет, впрочем, иногда (!) ты принимаешь верные решения, особенно когда он залезает по вечерам на диване с планшетом, а ты мечешься меж плитой, стиральной машиной, утюгом и собственно мужем, успевая приготовить, убрать, обнять, за единый вечер спланировать маршрут путешествия, выслушать рассуждения по поводу «не очень логично» или «зачем так суетиться?», через минуту получить одобрение, да и то лишь после своего фирменного «Не нравится – сам выбирай до морковкиных заговен и делай всё сам», снова обнять, а в ответ получить дружеского тычка пальцем в живот да фразу: «Ну не злись ты, кисы должны быть милыми».

А хочешь ты детей от другого человека (падайте в обморок, мама и бабка, предавай меня анафеме, Святая Церковь). Того, у которого глаза с добрым, чуть усталым прищуром, синие-синие, как северное небо. Того, кто не сбежал прочь, увидев тебя в гневе. Того, кто не стал первым делом читать нотации, увидев, что ты ошиблась. Того, кто протянул тебе руку тогда, когда ты меньше всего этого заслуживала и потому больше всего в этом нуждалась. Того, чёрт подери, кто по нелепой прихоти Времени годится тебе в отцы, так что самое время идти каяться в греховных сновидениях, в которых грозовая ночь, ветер, река и звёзды, разметавшиеся волосы, в которых ты подходишь к нему сзади, протягиваешь тонкие пальцы к обнажённой спине и шепчешь короткое «Разряд»...

Будь ты неладно, чёртово Время, что не отмотать тебя назад, когда если хоть не у него, так у меня не было ещё штампа в паспорте и невидимых оков на шее. Да не выкрутить так, чтоб и миру мир, и двоим любовь...

Рвется из груди синица, которой уже и так обрезали крылья, машет своими обрубками, хочет стать журавлем для горячих рук того, что смог тебя принять настоящей, и не может, не может пробить эту реберную клетку, застревает между прутьев со слабым стоном...

И на едином горьком выдохе Линь добивает стихотворение.

«Боги, пошлите мне смерть при грозе!
Вспышка, слепящий разряд – вот и всё.
Буду смотреть на небесную брешь,

Лёжа в траве и не чувствуя дождь»¹⁰.

«Север» на Невском встретил Саньку дорогим запахом шафрана и почти полным залом. Строго говоря, «Север» на Невском был Котом Шредингера, потому что Санька смог на память назвать еще четыре филиала старинной кондитерской, открытых на проспекте. Но для тех, кто прожил хотя бы с десяток лет в Петербурге, был только один тот самый «Север». Напротив Гостиного двора, ступеньки вниз и прозрачная стеклянная дверь.

На старомодных механических часах, плотно обхвативших запястье, стрелки сошлись в едином порыве на без двадцати восемь. Слишком рано пришел, ну да ладно, есть время подготвиться. Санька пристроился в конец очереди, распределив остатки сил после сумасшедшего дня на три задачи в порядке сложности: выбор чего-нибудь выпить-поесть, ибо обедал он сегодня только психологией, – десять процентов, удержаться на ногах и сохранять приличный для петербуржца вид человека в криогенной камере – еще двадцать, а остальное – на попытки построить предстоящую беседу. Ха, беседа беседой, а еще надо узнать тебя, Кирилл Заневский. «Я забиваю столик в углу». Дальний под кондиционером еще пустует, а в остальных сидят те, кто по определению быть тобой не может. Каким ты стал за эти, страшно сказать, сколько лет, если меня самого уже родная мать с трудом бы узна...

– Привет, Валько, – тихий, с легкой хрипотцой голос прозвучал над ухом как набат в средневековой Москве.

Санька невольно дернулся и оглянулся. Рядом стоял Кирька. Да, можно было особо не волноваться, время не внесло особых изменений в его внешность. Разве что стал еще выше ростом. Или это я клонюсь к земле? Санька протянул сокурснику руку.

– Привет, Зане...

– Мне двойной эспresso и штрудель с вишней, – бросил Кирька, едва коснувшись пальцами Санькиной руки, и летящей походкой рванул к свободному углу.

Санька опешил. Вот это скорость... Ну, Заневский, ты что, еще не бросил свой транскод, раз и в реальной жизни носишься как угорелый? Впрочем, аналитик в Саньке быстро заткнулся под каблук циника, который уже мысленно прикинул счет за двоих. Да, Валько, вот тебе и свидание по полной программе. Какого ты тогда без цветов приперся? Еще б и колечко сразу, черт побери.

– Молодой человек, что вы будете брать? – голос за противоположным краем витрины заставил Саньку очнуться.

– Это вы мне? – тупо переспросил он.

Вышколенная девочка в фирменном коричневом переднике позволила себе подкатить глаза к потолку. А что, собственно, такого? Я на «молодого человека» уже эн-лет не откликаюсь. Как в старом фильме: «Who is молодой? I am не молодой. I am старый! Вот, видишь, седина прет, и душа надорвана!»

– Двойной эспresso, штрудель с вишней... – Санька замялся, все, что он хотел взять себе, вылетело из головы, – э-э-э... торт... «Театральный» и... кофе по-ирландски.

– Кофе по-ирландски у нас без алкоголя, – сообщила девушка, слегка встревожившись. – С сладким сиропом...

Санька махнул рукой. Похоже, что у меня крупными буквами на лбу написано, что я хочу напиток, а не судьба.

Оплатив счет, Санька взял полный поднос и медленно двинулся в угол к Заневскому, который с отсутствующим видом разглядывал люстры со светодиодной подсветкой. Узкий

¹⁰ Анна Закревская «Мантра бездорожья»

проход, выдвинутые стулья, и люди, люди, люди... Балансируя с подносом как канатоходец, Санька, наконец, поставил заказ перед Кирькой и облегченно выдохнул. «Ну хоть какая-то польза от стенда, могу донести важные вещи, не разбив», – мелькнуло в голове Валько, пока Буревестник быстро сортировал содержимое подноса на «мое» и «боги сети, что это еще за гадость».

– Ты ж вроде кофе не пил, – выдал Кирька, с подозрением глядя на бывшего сокурсника.

– От такой жизни... – начал было Санька и осекся.

Вот весь ты в этом, Александр Валько. Сколько раз уже зарекался открывать первому встречному дверь в душу. Долбанное это твое доверие к людям, наивная уверенность, что все вокруг хорошие и светлые... Или ты просто мазохист прожженный, нравится получать потом под дых от тех, кто не достоин и толики твоего огня?

Кирька неувлимым движением схватил с подноса ленту чека.

– Эй... Ты это...

– Хочу знать, чем себя травят отличники по жизни, – хмыкнул Кирька. – Кофе по-ирландски? И что, там, правда, виски?

– Нет, – поморщился Санька. – Сироп какой-то.

– Фальшивка. Как почти все в этом мире, – подтвердил Буревестник, но вдруг улыбнулся. – Кроме этого штруделя. Я точно знаю, что здесь есть вишня.

Молчание длилось несколько минут. Санька сосредоточенно размешивал кофе, периодически вздрагивая от звона ложки о фарфоровую стенку кружки и тщетно пытаясь придумать начало для разговора. А за спиной невидимый глазу бог толпы создавал круговорот из тел, тарелок и запахов. «Север» за столько лет своего существования стал цокольным продолжением Невского проспекта, жизнь здесь не замирала ни на минуту.

– Да-а-а, – протянул вдруг Кирька, – фига се ты изменился, Валько.

Санька вздрогнул и поднял на Буревестника синие глаза. Хакер ты, Кирька. Рассматривал меня сейчас, значит, из-под своих длиннющих ресниц, анализировал и выдал вслух результат. Рассказать бы тебе, птица, как все на самом деле изменилось у меня, на худой конец просто бы промолчать, но тон беседы задан, а поэтому только и остается, что на каждый выпад выдавать симметрию.

– Что, лишние килограммы исчезли? – Санька криво усмехнулся.

– Нет, не только... – ответил Кирька негромко, глядя собеседнику прямо в глаза. – Так по поводу чего тебе сокофейник потребовался? Я не фея, но отфеячить могу.

«Людей с таким чувством юмора надо убивать», – подумал Санька. Воображение, которому сегодняшний дурдом на работе и почти полная луна за горизонтом дали карт-бланш, мигом подкинуло картинку с датой создания этак двадцать лет назад. Растрепанный и малость потасканный уже Кирилл Заневский, вот такой же тощий и хрупкий, как сейчас, привязан к чему-то кованому, а рядом с ним на выбор разложены все известные на тот момент Саньке приспособления, чтобы подарить зарвавшемуся хакеру такое счастье, что он забудет, как выпендриваться и строить из себя супергероя. Очень надолго забудет, если не насовсем. На автопилоте Санька добавил еще пару деталей в этот набор – зря, что ли, столько лет прошло, – а потом вдруг понял, до чего докатился. Да-а, Саламандра, эк тебя сегодня. А ведь трезвый.

– Ну, во-первых, поблагодарить за ответы на психологические тесты по профотбору, – сказал Санька, молясь всем богам, чтобы этот дохляк напротив не умел ко всему прочему еще и читать мысли. – Тест, я, конечно, завалил, но без твоих ответов, наверно, все было бы еще хуже.

– Раз завалил – чего благодаришь? – уточнил Кирька, по-прежнему не отводя взгляда. – И почему завалил, если не секрет? Там вроде все просто... Играй себе в пай-кодера, отвечай

то, что хотят слышать. Или для отличника как закон божий: «Врать нехорошо, мама а-та-та сделает»?

«Ну и кто тут у нас привязанный и испытывает счастье?» – уточнил зануда из самого темного закоулка сознания, куда не достигало пламя взбесившейся Саламандры.

– Иногда надо быть честным с самим собой, Бур-ревестник, – рыкнул Санька, безжалостно разрубая свой кусок торта ложкой пополам.

Кирька тихо присвистнул, скосив глаза на растерзанный бисквит. Под маской чуть насмешливой невозмутимости проступило выражение вселенской усталости. А, я понял. Да, хакер, некоторые с годами не меняются. И хоть ты и ведешь беседу, задавая тон и темп этой симфонии старой вражды, я еще успею проверить, каким остался ты.

– Вот и был бы честным с самим собой, – скривил губы Кирька и одним махом допил свой ядерный кофе. – Зачем с психологами-то было откровенничать? А, впрочем, не мое дело. Еще что?

Санька молча сверлил взглядом аскетичное бледное лицо напротив, пробивая своим пламенем упавшую со лба Буревестника черную прядь. Тоже мне, защита. Нацепил бы тогда уж очки свои темные, хакер, вон они у тебя за ворот футболки заткнуты.

– Говори, Ящерка. Я не знаю, как проходят встречи старых... – Кирька сделал театральную паузу и вальяжно развалился на кожаном диванчике, – друзей. Но я с восхищением выслушаю историю твоих жизненных успехов и даже не поморщусь, когда ты покажешь на телефоне фотки счастливой семейной жизни... Что там у тебя, отличник? Большая корпорация, офигенная зарплата, счет в швейцарском банке, – Кирька прикрыл глаза, – хотя эту инфу лучше не говори, знаешь, у меня плохая репутация. Да и вообще... Блин, надо было раньше встретиться, я б щас вспомнил, как ты мне фотки голопопой новорожденной дочки показывал. Молодые родители как свидетели христовы, везде с такими фотками достанут.

«А про дочь он откуда узнал?» – тупо подумал Санька, отставая от Кирькиного полета фантазии минимум на пару фраз.

«Земля слухами полнится», – прокомментировал зануда внутри.

– Инженер-исследователь в НИИ, зарплата – кот наплакал... – Санька осекся и отвернулся. – Поправь на прошедшее время сам. Семья обычная, жена, дочь взрослая. Не за этим пришел. – Он вытащил из кармана трекер и одним метким движением отправил его через стол прямо в тонкие пальцы Кирилла Заневского, как будто загнал шар в лузу. – Моя находка. Автора не знаю. Пищит как оглашенный. Чем сильнее психуешь, тем громче. Я уловил какую-то систему в звуке, но аудио я никогда не увлекался. А ты, помнится, был меломаном и хакером от бога. Раньше.

Кирька вскинул на Саньку зеленые глаза. В них появился огонек интереса.

– Даришь? – уточнил Буревестник.

– Нет. У тебя какие правила, оплата вперед?

– Платить ты собрался тем, что тебе кот в последний раз наплакал?

Санька внимательно разглядывал потолок, словно пытался найти там ответ на вопрос: какого лешего я перевалил через сороковник и не понял, что просто так ничего не делается? А если и делается, то только со счетом в швейцарском банке.

– Нет, Валько. Нет в моем прайсе такой позиции. Беру интереса ради и практики для, – хрипловатый голос Кирьки стал чуть дальше. Встреча подходила к концу, птица принимала низкий старт. – Я так понял, по срокам тебе не горит, тогда спишемся... Если что-то из этой твоей штуки вытяну.

– Тогда до связи, Буревестник.

Санька оторвался от созерцания потолка и окинул взглядом статную фигуру уже стоящего на ногах Заневского. Бедная его жена: ни днем, ни ночью, наверно покоя ей нет от любовниц... Ха, Кирька-девки-штабелями.

– Только одно... – интерес в глазах Кирьки сменился подозрительным прищуром, как питерское солнце сменяется ветреной хмарью. – Ты где эту штуку взял?

– На крыше одной очень темной башни, в страшную лунную ночь... – Санька, напустивший в свои слова жуткого реверба, не выдержал и расхохотался. – Подарок небес, Буревестник. Поэтому тебе и принес. Давай, до связи. Я буду ждать вестей. И спасибо.

Заневский пожал плечами, сунул трекер в карман и, хлестнув по воздуху полами темно-синего плаща, был таков. А Санька еще долго сидел в медленно пустеющем зале, по капле отпивая остывший кофе, пока не услышал из динамиков над головой флейту и слова:

Thunderbird...

Never have you ever see¹¹...

Что ж, теперь и, правда, пора. И если чутье меня не обманывает, я скоро получу вести от тебя, птица.

¹¹ Использован текст песни «Thunderbird» группы «Big City Indians»

Глава 5

Следуя каким-то врожденным охотничьим инстинктам, Санька не спешил открывать глаза в тот момент, когда сновидение ускользает из онемевших пальцев, а окружающий мир взрывается почти осязаемым звуком. Слово «взрывается» вдруг вызвало неприятный привкус во рту. И, кажется, не только оно.

– Па-а-ап? – так проникновенно дочь звала только в особых случаях. – Ты это... Вылезай давай из своего логова. Я тебе кофе сделаю пока.

Ну, вот ты и в реальности, Валько. Вылезай из логова во всех смыслах, открывай глаза, наконец, и вспоминай вчерашний день.

Санька осмотрелся. Классика жанра – найди себе место посреди ночи, когда не хочешь ложиться к жене. В активе у тебя одеяло и подушка, в пассиве – в кухне пахнет осточертевшей вареной курицей, в коридоре дикий сквозняк, ванна мала даже для такого коротышки, как ты, детская выполняет непосредственную функцию, а унижаться и ложиться на пол у кровати, на которой жена спокойно спит одна в три часа ночи, ты не хочешь. Остается только балкон, где детский велик Катьки пихается pedalю в бок до самого рассвета и пахнет нежилем. Это хорошо еще, что не сгнил деревянный настил, сделанный тобой лет ...надцать назад, а то спать тебе, Саламандра, на бетонной плите.

Ну что ж, вылезти из логова – не такая уж и сложная задача. Только подавить истерический смех, когда под проснувшийся вместе с тобой радикулит от холодной майской ночи вспомнишь, что «если вам за сорок, вы очнулись поутру и у вас ничего не болит, значит, вы уже труп».

Дедуктивные выводы показали, что Ангелина Павловна исчезла из квартиры как будто бы на работу. Отсутствовали метки в виде дамской сумочки, туфлей в прихожей и зонтика. С последним жена не расставалась с ранней весны и до первого снега. Санька беззвучно рассмеялся собственным мыслям. Видно, еще не все так плохо, раз я могу сказать, с чем она ушла из дома. Надо у Катьки спросить, уж она-то знает. Зануда внутри попытался посетовать на то, что с матерью у дочки хоть какой-то контакт, а с тобой... Санька резко выдохнул. Ошибаешься. Ох, как ошибаешься. Почувствуй не скорость, а глубину. Катька со мной не на прикладном, а минимум на сетевом уровне.

Подвернувшееся в коридоре зеркало отразило помятую заросшую физиономию. Да, пить надо определенно меньше или больше. А помня день вчерашний, скорее уж больше.

– Катя, я сейчас... – Санька бочком попятился к ванной. – Побреюсь хоть что ли...

– Кофе на столе, пап, – Катька фыркнула. – И это не означает, что ты должен быть при полном параде. Иди сюда. Тебе что-нибудь покрепче туда налить?

Покрепче, значит. Санька еще раз скосил глаза на свое отражение. Зазеркальный недобитый ангел-хранитель повторил движение. Нет, я вчера не пил.

– Я так похож на страдающего похмельем? – уточнил Санька.

– Нет, – хихикнула Катька, звеня посудой, – но, пап, ты сам говорил, что разница между тем, кто завязал, и тем, кто еще не начал, – невелика.

Все-то ты помнишь, дочка. В меня памятью пошла, сочувствую твоему Сереже.

Через несколько минут чашка с «этой гадостью», как называла кофе дочь, примирила Саньку с существованием планеты Земля и его самого на ней. Катька сидела рядом, потягивая любимый шиповник с медом и молчала. Рискнув поднять глаза, Санька ошеломленно замер. Боги Сети, какая у меня взрослая дочь...

– Замри! – прошипел Санька, хлопывая себя в поисках смартфона. Закон подлости: как только нужно запечатлеть хороший кадр, ничего фотографирующего под рукой.

– Импланты, – одними губами произнесла Катька, застывшая в лучах утреннего солнца.

Пару секунд они смотрели друг другу в глаза. А потом Катька забыла вдохнуть, увидев на лице отца ту самую улыбку из ее детства, добрую, открытую, от которой собирается в морщинки кожа под веками, кажется, что лучатся сами глаза и на короткое мгновение из них исчезает пара лишних прожитых жизней.

«Я был прав, – подумал Санька, активируя импланты. – Если мы даже не будем видаться несколько лет, то все равно на синхронизацию потребуется пара минут. Глубина, глубина...»

Флеш-карты под рукой, конечно, не было, встроенной в глаз камеры тоже, но файлы воспоминаний никто не отменял. В голове упрямо крутилась фраза «запомни меня таким», а импланты уже ловили электрические импульсы мозга, в которые превращался стоп-кадр под веками.

Теплый утренний свет в три четверти, чуть ассиметричные черты лица – одна бровь дугой, другая прямым птичьим крылом, нежно-голубые глаза цвета апрельского неба под выгоревшими ресницами и абрис верхней губы, рождающий ассоциации с профессиональным луком. И багетом ко всему мамина копна каштановых кудряшек, отливающих на солнце медью...

Не нужны фотоэффекты и фильтры. Я вижу тебя, родная, словно вдруг зрение мое скатилось в миопию сильной степени, помогая мозгу вычленить главное и не впадать в губительный для любви анализ деталей. Каждая черта – как касание кисти Создателя к чистому холсту...

Save <Kate.mem>

– Ты невозможно красива, Катерина, – выдохнул Санька, открывая глаза и ловя волну слова-до-мысли, проговорил. – Нарисую тебя... Такой.

– Пап...

Санька улыбнулся и протянул руку дочери. Ладонка с тонким серебряным колечком потянулась навстречу. Выходишь замуж скоро, дочка. Спешешь, хотя, может, так и нужно.

– Будет подарок тебе на свадьбу, – добавил Санька.

Катька тихонько вздохнула.

– Как вы быстро сдались... Без боя, – она дернула плечом. – Уже все разговоры о свадьбе только.

– А я должен отговаривать?

Санька был искренне удивлен. Вот непутевая семья, все не как у людей. Там на мозги капают и в загс на аркане, а тут претензии, что родители согласны. Но какая-то заноза в словах дочери тревожила.

Катька молча рассматривала содержимое кружки. Ладно, дочка, ты упорно стараешься быть похожей на мать и цеплять на себя маску тибетской гармонии с миром, но мы оба знаем, что это мимикрия с целью выжить. Мне-то что, я давно уже не скрываю истинного себя в пределах этих стен, а ты якобы спасаешь нервы. Якобы спасаешь, именно. Потому что ты в меня. И просто выжигаешь себя изнутри, когда никто не может видеть твоего лица.

Санька поморщился в ответ на собственные мысли. Ладно. Два варианта: или ждать, пока тебя прорвет, или взорвать эту плотину самому. Взорвать. Черт подери, почему меня преследует это слово?..

– А ты вообще Сергея любишь?

Осколки бетона самообладания. Пламя душевного пожара. Паника озвученных вслух мыслей.

И удар в тот самый момент, когда кажется, что уже нет сил подняться.

– А ты маму любишь?

Симметрия, значит.

– Если не получается сразу сказать да, это уже скорее всего нет, – философски заметил Санька. – Рассказывай, что у вас стряслось.

– Это не у нас стряслось, а у вас! – вспыхнула дочь. – Мать пришла вчера в полном расстройстве, сначала рвала-метала, потом в слезы... Таблеток пачку выпила. Только-только успокоилась – ко мне пристала не на шутку. Все о свадьбе. Чуть ли не сию минуту собирайся и поедем платье выбирать, ресторан заказывать, назначать дату... И все на ближайший месяц!

Месяц... Значит, меня увольняют все-таки. Это раз. И вопрос «на что мы будем жить» тоже встал во весь рост. Это два. И, похоже, меня подозревают во всех смертных грехах. Это три.

– Задавай вопросы, – устало ответил Санька. – На что смогу, отвечу.

– Почему мама вчера плакала?

«А черт ее знает... Может совесть вышла из анабиоза...»

– Я думаю из-за проблем на работе. Но лучше у нее уточнить.

– У нее уточнишь... – протянула Катька и хмуро глянула на отца. Ты всегда учил меня, что, только зная половину ответа, можно задать правильный вопрос. А у меня в голове ни единой мысли, что там такого могло стрястись в Роскосмосе, чтобы эталон Непробиваемых Нервов скатился в истерику. Если только не это...

– Ее увольняют с работы?

Санька поперхнулся кофе. Хакер вырос, раздери троян, только все равно выстрел в молоко. Зато можно не лгать.

– Она мне ничего не говорила, – выдавил из себя Санька, едва прокашлявшись.

И один взгляд на Катьку, брошенный поверх края кружки, сказал Саньке больше, чем все до этого. Можно начинать обратный отсчет. Святая церковь, какой это грех в твоём ранжире?

Три.

Два.

– Ты вчера был у любовницы, отец?

Аллес. Нормальный бы «отец» на этой пятой секунде тишины или поднял хай, или влепил бы оплеуху за дерзость, или... Ха, ну что ж, дочка, поиграй с огнем. Не обожгись только, не подпали крылья.

– Ты угадала, – Санька с улыбкой откинулся на стуле, наслаждаясь картиной «Катька и ее отвисшая челюсть». Но глаза его подвели, там полыхал огонь джихада. – Только не с любовницей, а с любовником. Мой сокурсник, гениальный программист с тонкими чуткими пальцами... – вдохновенно рассказывал Санька, мечтательно прикрыв глаза. – Я бредил им все пять лет учебы, и вот, вчера, двадцать с лишним лет спустя, я дождался этой ночи...

Катька расхохоталась. Ну, вот так всегда. Человек скорее поверит виртуозно сочиненной лжи, чем нелепейшей правде. Но, боги Сети, почему же мне ни капельки не смешно, словно высказанная вслух мысль не является откровенным враньем? Нет, Александр Валько. Хватит этих игр в тонкости перевода. Есть Ангелина Павловна и Линь. А Кирилл Заневский в этом ряду не может появиться по определению.

– Пошутили, и хватит, – Санька грохнул чашку об стол. – Мать на работу ушла, так?

Катька кивнула.

И грозовая туча развеялась как-то сама собой. Катька утопала из дома с загадочным видом и невнятным лепетом про дополнительные занятия, а Санька, не став уточнять, для какого преподавателя надо было полчаса торчать перед зеркалом в коридоре, занял кухню. Краски были разложены строго по палитре от пурпурного до сажи газовой, кисти – от широкой лопаты «двадцатки» до тончайшего волоска «пяти нулей», девственно чистый холст только и ждал взрыва цвета. Санька замер на миг, вытаскивая из памяти утренний портрет дочери, и в который раз уже поразился тому, насколько новый день в его сознании затирает предыдущий. Вчера его де-факто выгнала с работы собственная жена. Вчера Линь лечила сигаретой сердце. Вчера Кирька загнал его в угол в прямом и переносном смысле, перехватив управление беседой как у безрукого админа... А сегодня солнце, Катька и холст. «Если б не умел так

выныривать из прошлого, то давно бы уже свихнулся», – мельком подумал Санька, приступая к работе. Да, вот так, в нарушение всех привычек, без эскиза и кучи вспомогательных линий углем. Иногда жизнь настолько четко раскладывается на мазки кисти, что служит и натурой, и эскизом.

Это было состоянием потока. Ни одной лишней мысли в голове. Весь мир остался за тонкой гранью грунтованной льняной ткани.

Каждый завиток каштановых волос – комбинация жженой умбры и английской красной, сверху солнечный блик охры и неаполитанской желтой, и акцент из темного коричневого Марса.

Каждая искорка в небесной радужке – нотка церулеума в буйной смеси титановых белил, синего кобальта и бирюзы.

И той тончайшей кистью с немыслимым количеством нулей на маркировке очертить кармином арбалетный силуэт верхней губы...

Накладывая последние штрихи, Санька уже знал, что сделает дальше. Полчаса на отмыть себя и стол – и на выход, картину в охапку и к Анискину. Да, не по правилам. Но все эти устои художественного академизма, что надо быть недовольным своей работой, надо дать картине «отстояться», чтобы потом свежим глазом заметить недостатки, – не для него. Особенно сейчас, когда Катька щурится с портрета, как живая, и вот-вот ее губы тронет милая, почти детская улыбка. Саньке хотелось поделиться этим чудом хоть с кем-нибудь, нет, ни в коем случае не отдавать насовсем, а просто показать... И господин Анискин, владелец и главный вдохновитель художественной галереи в Пассаже на Невском, был лучшей кандидатурой.

С Анискиным Саньку связывало давнее знакомство. Как-то раз, возвращаясь из московской командировки, Санька заплутал в переходах метро и упустил свой супердешевый трехэтажный поезд, и боковая койка у туалета благополучно уехала в Петербург пустой. Но возвращаться во второпрестольную как-то надо было, и Санька за свои деньги забрался в «Гранд-Экспресс». Небольшое уютное двухместное купе в алых тонах, постель круче, чем дома, и... Анискин в соседях. Тогда Санька и не знал, что вместе с ним едет владелец одной из современнейших галерей Петербурга. Да что там не знал, он и помыслить не мог, что эта тушка в сто пятьдесят килограмм и под два метра ростом вообще может разбираться в искусстве. Но Анискин разбирался. Слово за слово, Санька достал смартфон, показал фотки своих первых работ – тогда он только-только бросил акварель и перешел к холсту и акрилу, ибо на масло как не было денег, так нет и поныне, – и что-то мелькнуло в глазах попутчика, какой-то хищный огонек. Они проговорили об искусстве полночи и, довольные друг другом, попрощались на платформе Московского вокзала. А через три месяца Саньке пришло письмо с приглашением поучаствовать в выставке «Город будущего» в галерее того самого Анискина. С тех пор все творения отвозились на его суд, а на втором этаже галереи, кажется, уже навсегда прижилась картина с той выставки – небольшое полотно с ясным утром и сверкающими башнями московского Делового центра, места, где Санька чувствовал себя не дома, но так, будто зашел на огонек к старому другу.

Полчаса в полупустом вагоне метро. Санька пристроил рядом с собой портрет дочери и нырнул в сеть. Со вчерашнего утра ему не давала покоя книжка про Овердрайва. И если он в принципе знал жизнь этого человека по рассказам и байкам той или иной степени правдивости, то открывшийся вчера слой подтекста интриговал куда сильнее. Напрягая память, Санька смог вспомнить какие-то странные смешки однокурсников, когда в застольном бдении с напитками погорячее заходила речь о последних десятилетиях жизни этого человека-легенды. «Дауншифтинг – так во всем», шутили они и сразу смущенно умолкали. Словно было в этом что-то такое, неприемлемое в обычном обществе.

Однако сегодня книга выдавала исключительно официальную версию.

«В ноябре 2070 года Кристиан Вебер оставил пост главы компании „Div-in-E“, став ведущим разработчиком. Многие связывают это с нежеланием привлекать к себе внимание после истории с разработкой эмулятора личности для метaprостранства, однако мы считаем, что столь радикальная смена образа жизни была продиктована личными причинами. Позже, в начале 71-го, Кристиан разводится с женой и переезжает на Ладугу, где живет затворником чуть меньше двух лет. Примечательно, что с окончанием этого побега от цивилизации мы теряем и след Александра Рыкова. Могила его так и не была найдена, заключения о смерти тоже, в розыск на него не подавали. Вот уж когда смело можно вспомнить девиз Овердрайва „сегодня не кончится никогда“. Однако возвращается Кристиан Вебер не в Москву, а в Петербург...»

Поверх страницы всплыло сообщение от машиниста поезда. «Следующая станция – Электросила». Мысленно кивнуть, отпихнуть синюю строчку в сторону и снова уставиться на виртуальный текст. Сим-сим, откройся. Ничего. Только сухой официоз. А, может, мне это вчера привиделось? Но тогда мои нервы были взвинчены Пароёзовым, а сейчас я спокоен... Пока. Вспыхнуть так легко.

Через пару минут Санька приложился затылком о стекло вагона и выдохнул сквозь стиснутые зубы. Вот это открытие – ты не можешь психануть, Валько. Ну просто не можешь. Внутри глубокий вакуум, хотя ты вспомнил и плачущую под лестницей Линь, и жену после тестирования, и даже пустил в ход тяжелую артиллерию – школьный ад отличника с драками в сортире и надписью «лох» мелом на твоём стуле. В голове вдруг всплыло:

«Здесь всё, что могло, отгорело, и только в висках
Застравший осколок мечты в непогоду болит».

Воистину так. Жаль, что не знаю автора, а то бы пришел к нему прямо сейчас и пожал руку. Мы бы наверняка друг друга поняли.

Пассаж встретил Саньку уже привычным холодком светлого атриума. Взбежать по лестнице на второй этаж, нырнуть в мир багета и едва уловимого запаха масляных красок – что мне транскод, когда есть этот мир, где все определяется твоим талантом, твоим умением почувствовать свет и тень, найти правильное касание кисти... Санька затормозил на том месте, которое обычно придавало ему ускорение.

Нет, зрение отработало свою задачу на «ура».

Вот слева огромное полотно, на котором в необычной технике изображена ультрамариновая гладь воды с кувшинками. У автора много денег – почему бы не шикануть, и вместо привычного размазывания краски по холсту не выдавить прям из тюбика титановых белил, обозначив этакой колбаской каждый лепесток?

Вот справа нереальный, а оттого еще более захватывающий вид на волнующийся под порывами ветра ковыль, над которым всходит Сатурн, призрачно блестя своими кольцами. Здесь все решено классически, но фактура настолько тонка, что картина с трудом отличима от фотографии.

Вот центр стенной ниши, косой луч от диодов подсветки... Санька помотал головой. Здесь. Должна. Быть. Его. Картина. Но вместе Делового Центра висела, сверкая свежим золотом рамы, какая-то... Санька мысленно осекся. Слово «мазня» считалось неполиткорректным в среде художников, а вот члены летного клуба, где он состоял, другого бы и не нашли. То есть нашли бы, конечно. Грубее. Но эта абстракция из всплесков серебра и десятка оттенков серого на пронзительном синем фоне, без формы, без содержания, приковывала взгляд. Санька сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть фамилию автора на табличке в углу рамы, как вдруг его голова взорвалась ритмичными ударными и низким, чуть искаженным голосом:

Невозмутимый странник,
Не уstraшенный адом.
Ты – человек без имени,
Мне страшно с тобою рядом¹².

Какого...

Шаг назад. Тишина. Ладно, проклятие интерактивного века, мы люди простые, издали посмотрим. Хотя кто вам, черт побери, дал право нарушить закон о неприкосновенности ментального пространства? Я понимаю, метрополитен, там ты заранее на все согласен, едва ступив на эскалатор, но здесь...

Оставшуюся пару десятков метров до рабочего кабинета Анискина Санька прошел в глубокой сосредоточенности, пытаясь удержать в памяти фамилию автора этой цветовой какофонии. Фамилия была колкая и набивала оскомину во рту.

– Развильский, – выплюнул Санька в лицо Анискину прямо с порога.

Анискин подкатил глаза. А чего ты хотел от саламандры? Тишины? Покоя? Милой улыбки?.. Санька стиснул зубы, прижимая к сердцу портрет дочери. Я знаю, что каждый из нас ничем друг другу не обязан. Я лишь уточню детали и уйду.

– Присядь, Алекс, – негромко произнес Анискин, приглашающе махнул рукой и виновато отвел взгляд. – Я объясню все.

Алекс. Так меня зовешь только ты, господин меценат. Ну да ладно, я давно это тебе разрешил, еще в «Гранд-Экспрессе». Санька рухнул на стул с противоположной стороны дубового стола, за которым сидел Анискин. Ярость медленно уступала место интересу. Таким Валько своего «куратора» не видел еще ни разу – весь какой-то затюканный, дерганый.

– Я хочу, чтобы ты понял одно, – начал Анискин, – я человек подневольный. Галерея уже давно существует не на мои средства, а на деньги спонсоров и самих художников.

Горький смех сорвался с его губ.

– Художники... От слова «худо», Алекс. Я уж и так отбираю, что приличней. Но за каждое место на стене приходится платить. Они платят мне, я плачу арендодателю... Я ни разу не взял с тебя ни копейки за выставление твоих картин. Я считал и считаю, что они достойны зрителя без деловых дрызг. Но пару недель назад ко мне пришел этот самый Развильский, – Анискин задумчиво покрутил в руках золотую перьевую ручку, – с десятком таких вот... э-э-э... полотен. И предложил идти в ногу со временем, искусство, мол, должно воздействовать на все чувства разом... Техническую часть в организации музыкального сопровождения он взял на себя, оставив на столе чек с астрономической суммой.

Санька тяжело вздохнул. А я, наивный, еще верил, что хоть здесь не все определяют деньги... Пора выныривать в реальность.

– Этот Развильский... – протянул Санька, потихоньку отпуская сжатую внутри пружину. – Что он из себя представляет?

– Богатей с Марса, – Анискин мотнул головой. – Бизнес у него там или что... Не знаю. Если ты как о художнике... Знаешь, что такое синестезия? Нет? Она встречается очень редко. Такие люди ощущают мир не так, как мы. Развильский, например, видит то, что слышит. Песню включил – и все, картина готова.

– Круто, – усмехнулся Санька. – Что только с людьми не случается от избытка денег... Ладно. А где моя картина? Почему ты снял именно мою, я уже понял. Не заплачена.

Анискин посмотрел Саньке в глаза. Тот мог поклясться, что под веками мецената неумолимо поднимается девятый вал такой боли, какую может испытывать только человек с художественным вкусом, когда он вынужден отвечать реверансы бездарности.

¹² Использован текст песни «Человек без имени» группы «Наутилус Помпилиус»

– Я не имел права повесить ее здесь, в кабинете, – глухо проговорил Анискин. – Это против правил. Поэтому она в самом людном месте галереи.

Санька задумался. Самое людное... Так, на лестнице я ее не видел. У буфета как чей-то парусник висел, так и висит. Где еще? Саньку накрыло истерическим смехом. Он чуть ли не сполз с антикварного стула на не менее антикварный персидский ковер.

– Только не говори... что она... в туалете... висит... – выдавил из себя Санька через спазм диафрагмы. Ну и денек, а.

– По дороге туда, – подтвердил Анискин, и вдруг все сдерживаемое в нем напряжение разом прорвало. – Слушай, я сам не хочу, чтоб она там была! Это позор на мою голову. Давай так: или ты ее заберешь, или я ее на дачу утащу к себе. Черт побери, Алекс, пусть с нее и начинается моя частная коллекция, которую я буду собирать исключительно на своих домашних квадратных метрах. Надоело это продажное безобразие. Сил моих нет больше.

– Тише, тише... – Санька чувствовал, как его нематериальная сущность церемонно кладет на все болт. – Забирай ради всех богов Сети. Что хочешь с ней делай. Я вот тебе дочку свою покажу еще и уйду. Вернусь, когда накоплю на мзду тебе. Не хочу, чтоб ты за меня платил.

И больше не слушая оправдания на том конце провода, Санька развернул пергамент и положил портрет Катьки перед Анискиным. Тот замолк на полуслове. Молчание длилось целую вечность, но Санька не торопил. Он знал, что критики не будет. Она была ему ни к чему – Санька и сам видел свои огрехи, брал их на заметку, но никогда не переделывал старое. Анискин был в курсе этой привычки. За свою жизнь он вывел для себя правило: прежде чем начать обсуждение работы, выясни, мотивирует автора критика или убивает. И если убивает, как Александра Валько, то лучше промолчи.

– Не отдашь? – только и спросил Анискин, глядя, как Санька закрывает шуршащей бумагой залитое солнечным светом девичье лицо.

– Нет, – Санька вздохнул. – Это ей. На свадьбу.

– О, – Анискин принял фальшиво заинтересованный вид. – Скоро дедушкой будешь? – И уже вполне по-деловому. – Слушай, Алекс, я тебе уже предлагал... Еще раз. Последнее китайское. Приходи ко мне багетчиком. Руки золотые, пропадают зря...

«А, может, и приду», – подумал Санька, но промолчал. Крепкое рукопожатие и на выход. Здесь стало как-то душно в последнее время.

Затеряться в толпе на Невском Саньке не удалось. Уж слишком местным он выглядел в этой мешанине азиатских лиц. К нему то и дело подкатывали китайцы и корейцы. А ведь им даже все таблички в центре продублировали иероглифами, а толку? Санька смущенно пятился. С языками у него всегда было туго. Вот и задашься тут вопросом, в кого дочь стала лингвистом...

Кое-как выделив себе личное пространство в полном вагоне метро – солнце клонилось к закату, и тусовочная публика выбиралась из теплых кроваток – Санька снова открыл книжку про Кристиана Вебера. Ну что, «Молот Ведьм», давай, открывай свою суть. Я достаточно разогрет Анискиным и своей картиной возле туалета. Сегодня я остался совсем один. Теряю друзей, как золотой песок, утекающий сквозь пальцы. Нет искренности, нет контакта, нет общих точек соприкосновения. Что у меня осталось? Жена, дочь, работа. Линь меня боится, Анискин вынужден отвернуться. Летный клуб? Там уже наверняка забыли, как я выгляжу. Тишина. Одна лишь тишина. А что было у тебя, Овердрайв?..

Одиночная камера. Строгий режим тишины.

Второпрестольная производит дым и шум

В твоём радиоэфире.

Каждый прожитый час – царапиной на руке,

Шрамом в памяти, ниткой у Пряхи в клубке,

Морзянкой вер-ни-те-е-го...

Одиночная камера одинокого тела.
Вместо сердца дыра навывлет.
Вечность назад смеялось, вчера – пело,
Сегодня идет «на вы»... Бред.
Бредит, бредит, бредит... Молчит.
В одиночной камере смертник
Для проклятий учит иврит.
Есть боль на порядок сильнее привычной —
Кричи-не-кричи-не...

Одиночная камера по запросу.
Дарит анабиоз, отправит к праотцам.
Смерть выходит на дело. Расплетает косы.
Тишина.
Репетиция твоего конца.

Глава 6

«Стенд этот получше иного фитнес-зала будет, – в который раз подумал Санька, привычно пройдясь взглядом по контрольным точкам зала: три монтажных стола, на которых ламповые кассеты лежат, как покойники, черная дыра недособранного усилителя над головой да розовые стекла у стены порталом в другое измерение. – Тренировки не полтора часа, а все восемь, а за занятия ещё и тебе доплачивают, пусть и гроши».

– Ребят, да какого вы с ключами мучаетесь, а? – голос из толпы псевдоработающих прозвучал чистой ноты издевкой в какофонии общего шума. – Лина руками его затягивает, только время на ключи тратите.

Линь подняла голову, пытаясь выцепить из толпы говорящего. По лицу ее было видно, что она одобряет содержание фразы, но только не этот снисходительно-насмешливый тон. Через несколько секунд под грозным взглядом девчонки биомасса работников самопроизвольно выпихнула жертву на бруствер.

– Да я б и рада, – хмыкнула Линь негромко, – да только кто поверит, что у меня силы хватит?

– А ты сожми сколько силы есть, – полез на рожон этот тощенький мужичок, спиной ощущая чужие плечи и отсутствие пути к бегству.

Линь коротким движением перехватила проятнутый в ее сторону мизинец и стиснула захват тонких пальцев. Секунда, две три... Санька затаил дыхание. О, светлая, представляю, как велико в тебе сейчас желание слегка повернуть кисть и вырвать этот объект испытания из сустава к чертям.

Под всеобщий смех мужик, тихо выругавшись, выдернул свой палец из захвата, а Линь, устало дернув плечом, вернулась к работе.

Впрочем, через несколько минут после импровизированного представления, в которое неизбежно превращались почти все случайные сборища из серии «Линь и семь гномов десяток мужиков из соседних лабораторий», девушка тихо смылась в неизвестном направлении.

Как там было у классиков? «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку?»¹³

Рассудив, что коли уж отдых – это смена занятий, то она почти что на курорте, Линь выскользнула из пультавой, взяв курс на кабинет, где её ждала пара недоделанных отчётов, которым следовало помочь в скорейшем появлении на свет. И раз пальцы уже не слушаются её после сто первой пружинки, вручную согнутой из бериллиевой бронзы, следует ненадолго выпустить их на загон клавиатуры.

В самом начале коридора она, однако, была поймана в цепкие объятия Пароёрзова.

– О, Ангелина, – окинув девушку оценивающим взглядом, словно присматриваясь к молодой кобылке, выставленной в ярмарочный день, удовлетворённо кивнул он. – Вы девушка ответственная, лёгкая на ногу... К тому же, знаю, со своим средством передвижения. Пойдёмте, я дам вам документы и адрес, куда их нужно отвезти, понимаете, их нужно туда сдать срочно, сегодня, до четырёх...

«Интересно, к каким чертям на рога он успеет меня отправить, если сейчас уже два часа?» – с раздражением подумала девушка, но ничего не сказала.

Черти, однако же, оказались не столь далеко, и маршрут Линь не ознаменовался ничем интересным, кроме небольшой пробки по поводу двух «поцеловавшихся» при выезде на перекрёсток машин да автобуса, который отчаянно маневрировал, пытаясь всё это объехать.

¹³ Стихотворение И. Бродского «Не выходи из комнаты...»

Проезжая мимо водителей, один из которых сосредоточенно названивал в страховую компанию, а другой размахивал руками, пытаясь этим компенсировать слабое знание русской речи, Линь услышала:

– Всё из-за такой, как вот она, не машина, не пешеход, нырь – и усвистеть, а мы из-за них по тормоз и сзади нам в бампер хрясь...

Линь поджала губы, радуясь, что непроницаемое стекло её шлема не позволяет никому во внешнем мире разглядеть её лица. Конечно, самый лёгкий способ жить – это, едва облажавшись самому, поскорее завопить о том, что виноват кто-то другой – государство, которое не чинит дороги, Луна в Козероге, а также те, кто по ним ездит, но никак не ты, купивший права за углом соседнего дома и уверенно путающий тормоз с газом.

А, неважно. В одном был прав водила: преимущество Линь действительно состояло в умении «нырь – и усвистеть». Вперёд по свободной трассе, не оглядываясь назад, рассекая воздушный поток надвое так, что за спиной словно появлялись два невидимых крыла – это больше, чем способ управлять мотоциклом, это принцип жить-несмотря-ни-на-что, умение энергично встряхнуться, сбросив с перьев частички пыли и капельки дождя, и лететь навстречу солнцу.

Документы были успешно сданы в нужную контору к началу четвёртого часа, и путём нехитрых умозаключений Линь решила, что на стенд возвращаться нет смысла, тем более, что совсем недалеко, стоит только проехать пару кварталов, начнётся район, в котором прошло её детство, отрочество и юность.

Поймав себя на слове «юность», Линь хохотнула. За три последних года, что прошли под звездой семейной жизни, она не изменила ни причёски, ни стиля одежды – ну, разве что, волосы стали длиннее, а размер одежды, и так небольшой, откатился ещё на одну позицию назад, но отчего-то чужие дети, встреченные ею в автобусе или в очередях поликлиник, стали называть её «тётенкой» вместо «девушки».

А дети, как известно, не только цветы жизни, но и сверхпроводники Истины.

Кое-как припарковав мотоцикл у грязного бетонного забора, отделявшего территорию грузовой железнодорожной платформы от заброшенного парка, в котором буйствовала крапива и прочие сорняки, Линь слезла с сиденья и устало опустилась на колени, а потом, поддавшись внезапному порыву, раскинула руки и упала спиной прямо в мягкую траву.

Сколько бы раз её не заносило сюда, на узкой полосе дикого леса, посаженного меж стальными рельсами и асфальтовой рекой проспекта, всегда было безлюдно, словно какой-то незримый гений защитил это место силовым щитом, подарив право доступа только ей одной.

Минуту спустя над буйством ничейных трав поднялся лёгкий сигаретный дымок. Мимо Линь, уставшей болтаться на гирях маятника работа-дом, мимо Линь, окольцованной платиновым кругом принадлежности, дающей чувство защищённости в обмен на хрустальную валюту острых граней своей души, обломанных для того, чтобы о них не порезался тот, кто похитил тебя из золочёной клетки родительского дома, мимо Линь, обнаружившей, что оказалась не на свободе, а всего лишь в новой клетке большей площади, бежала девочка-Линь, высоко вскидывая ноги и размахивая белым маминым шарфиком за спиной.

– Я птица, я умею летать! – захлёбываясь от радости дышать ветром, бежать за горизонт и видеть синее небо, кричит Линь-шестилетка. – Правда же, правда! Вот, сейчас...

«Ну, лети, раз так», – думает старый кирпич, живущий на дороге, и подставляет девчонке подножку.

И восхитительный полёт действительно начинается, обрываясь через какие-то жалкие полсекунды в придорожной канаве. Линь тормозит ладонями и коленками, стирая кожу до крови, и на её белоснежном платице остаётся черный мазутный след.

– Засранка! – выкрикивает совсем рядом сердитый голос матери, и сильная рука рывком ставит девочку на ноги, а потом задирает её подбородок вверх, чтобы Линь не смела опустить

глаза перед грозой маминого гнева. – Я тебе только вчера платье купила, не доедала весь месяц, чтоб накопить, а ты, тварь маленькая, вот как чужие старания ценишь... А ну домой, быстро, и будешь сидеть в комнате, пока не поумнеешь...

Взрослая Линь морщится и запускает ускоренную перемотку воспоминаний. Рамзан, однокурсник-эзотерик, истово убеждал девушку в том, что все события в жизни, даже если они кажутся сюрпризом великого рандома, на самом деле прописаны для нас чуть ли не заранее, и уж по крайней мере каждое из них призвано обогатить человека бесценным опытом любого сорта. Хорошо, Рамзан, тогда мне следует благодарить свою мать за каждый раз, когда она орала на меня вместо того, чтоб обнять и поцеловать в ушибленное место, ибо объятия не вынуждают нас становиться ловчее, вырабатывать идеальный глазомер и ловкость, учиться сдерживать слёзы, чтобы не вызвать ещё одну волну недовольства, и улыбаться, когда больно – чем сильнее боль, тем светлее улыбка.

Тот же парк через десять лет после неудавшегося полёта. Рыжий закат последнего летнего дня, и завтра – в колледж, а сейчас – костёр, круг света, чужая плохо настроенная гитара в руках, и в запасе у Линь – всего три с половиной аккорда, но их достаточно для того, чтобы петь:

– Огонь всё ярче, страницы жизни в нём горят.
Что будет дальше – об этом знаю только я.
Вопросов больше нет.
В ответ не слышно красивой лжи.
Меня в бесконечность уносит
Поток стальных машин.¹⁴

Голос Линь едва заметно дрожит, потому что до этого вечера она пела только наедине с собой, когда никто не слышал, но эта песня заслушана ею до дыр, и слова сами рвутся на свободу.

Другая жизнь – не сон.
Я был для неё рождён.
И в час ночных дорог
Я не одинок.

И на припеве к ней присоединяется сильный, чистый голос справа. Антон, парень из параллельной группы – растрёпанные каштановые волосы по плечи, кожаный браслет на запястье, а под ним – сделанная тайком от родителей татуировка, едва заметная на первый взгляд, незамкнутая окружность, разорванная изнутри тонким росчерком молнии.

Мы верим, что есть свобода,
Пока жива мечта,
Верим в свою свободу,
И будет так всегда.¹⁵

Если бы кто-нибудь подошёл к поющей Линь со спины, и, едва дождавшись, когда она затихнет, шёпотом на ухо сообщил бы, что через пять лет железную дорогу огорожат глухим бетонным забором вместо ненавязчивого плетения сетки-рабицы, а Антон коротко подстри-

¹⁴ Использован текст песни «Свобода» группы «Ария»

¹⁵ Использован текст песни «Свобода» группы «Ария»

жётся, сведёт татуировку и устроится работать тестировщиком программ в одну очень крупную корпорацию, а ещё через год после всего упомянутого сделает девушке предложение, на которое она ответит согласием, уцепившись за этот спасательный круг, выдернувший её из кислотной трясины материнского мирка, Линь покрутила бы пальцем у виска и ударила бы по струнам, заходя на следующую песню.

Чего же тебе не поётся сейчас, а? Или всё идёт по плану, согласно законам природы, из которых следует, что птицам положено петь во всю глотку лишь по весне, в брачный период, а потом смысла в этом уже маловато, да и некогда, честно говоря, ибо клюв занят сначала ветками и собственными перьями, из которых строится совместное гнездо, а потом вкусными червячками для трёх жадно раскрытых ртов.

Линь поморщилась повторно, пытаясь вызвать перед глазами образ костра, первого снега на тонких ветвях деревьев, тех же веток, но уже покрытых робкими весенними первыми листьями, но код светлых образов отчего-то не желал становиться трёхмерным и рассыпался на осколки, отказывая девушке в доступе на уровень подземной реки скрытых душевных ресурсов.

А может быть, просто пересохла та река, да и никогда не была она полноводной, раз обмелела так быстро? Только по самому дну ещё змеится тоненькая струйка, к которой периодически припадают жадными губами то начальники, охочие до чужого сверхурочного труда, то муж с фоновым «Дай я покажу, как правильно делать/говорить/думать», то родители с хитом последнего месяца: «Вы вообще детей планируете?»

Лёжа лицом в небо, Линь глубоко затянулась, спалив сигарету до самого фильтра, и что было сил надула воздухом живот, пытаясь вообразить себя пингвинихой, вразвалку бегущей на автобус по февральским сугробам, да что там, и по мокрому после майской грозы асфальту, ибо хрена с два её подпустят к мотоциклу, как только...

От крепкого табака девушку слегка замутило, и она резко выдохнула, прогоняя прочь так некстати всплывшую картинку – граффити, нарисованное подругой на стене школы, тётку-киборга, опутанную толстыми шлангами системы жизнеобеспечения, у которой вместо пуза была стеклянная ёмкость с зеленоватым физраствором, в котором плавал скрюченный эмбрион.

Перекатившись на бок, Линь встала на колени и уткнулась пылающим лбом в траву. Хотя бы здесь, наедине со старыми деревьями в два человеческих обхвата толщиной, которые видели тебя ребёнком, подростком и взрослой девушкой, ты можешь быть откровенна с собой не только на уровне правды – «В настоящий момент я не хочу детей, потому что во внешнем мире, куда я не так давно вырвалась, столько всего интересного», но и на уровне Истины – «В настоящий момент я не хочу детей от Антона, не будучи уверена, что он не разочаруется во мне за пару лет совместной жизни и не свалит в неизвестном направлении, бросив меня с мелким на руках, а лучше – останется в семье, заставив и жену, и ребёнка мучиться виной из-за его разыгравшего чувства долга».

То ли порыв ветра в кронах деревьев нашептал девушке что-то своё, тайное и горькое, но Линь вскинулась, словно ударенная током, и широко открыла глаза.

Нет, слова Истины звучат не так.

«Смогу ли я сломать Линь-свободную птицу, чтобы из её обломков слепить голема Линь-матери, или игра не стоит свеч?»

Ты стоишь на перепутье, которое старо, как мир, Линь. Слишком много противоречий успело накопиться между тобой и окружающим миром, чтобы можно было просто взять и махнуть рукой, сказав себе: «Плевать, как-нибудь рассосётся...»

Выбирай.

Плавный, широкий подъём первого пути теряется в небесах, так что не видать, то ли он доходит до самых ворот Рая, то ли обрывается на высоте эшелона военных истребителей,

и на нём золочёными буквами, ровно, как в прописях, выведено: «Делай, что должно, и будет, как надо». На этом пути дети учатся у родителей только самому лучшему, на этом пути муж и жена понимают друг друга с полуслова и до самой смерти не размыкают рук, смотря в одном направлении, а их родители становятся лучшими бабушками и дедушками в мире, без помех продолжаясь собственными отражениями в детях и внуках. На этом пути вставать в шесть утра в садик/школу/на работу легко и приятно, а потому никто не опаздывает ни на поезд в отпуск, ни за стол к ужину, никто не разбивает в кровь костяшки пальцев и не воет от бессилия, словно раненный волк в клетке, ибо всё происходит вовремя, согласно намеченному плану или, на худой конец, прогнозу погоды, а события жизни с аккуратностью педанта разложены по полочкам и промаркированы по алфавиту.

Второй путь пролегает хайвеем в песках Аризоны, и на его потрескавшемся асфальте белой краской намалёвано: «Делай, что должно, и будь что будет». Это значит – соблюдай предписания дорожных знаков, заправляйся заблаговременно и включай дальний свет своих глаз, едва въедешь на отполированном до блеска семейном седане в царство сумрака, и дорожную разметку занесёт песком, но никто не гарантирует тебе, что из заброшенного придорожного мотеля не выпрыгнет банда головорезов с битами, а потом, когда ты чудом улизнёшь от них, отделавшись парой глубоких царапин на капоте, под колёса машины не кинется какой-нибудь чокнутый страус, разmozжив голову о бампер и заляпав лобовое стекло кровавыми ошмётками, по поводу которых тебе, перепуганной вусмерть, предстоит ещё сочинить красивую сказку с хэппи-эндом для детей, которые всё это также видели, а затем перехватить руль у мужа, который вырубился от страха прямо на водительском сидении, и в одиночку мастерски припарковаться на обочине, хоть ты совсем не умеешь водить.

Есть ещё третий путь, Линь, но он лежит в иной плоскости. Это – заснеженная вершина Джомолунгмы, на которую положено забираться без альпинистского снаряжения, используя длинную косу вместо страховочной верёвки, а отросшие ногти – вместо ледоруба. Это путь наверх, о котором пел тебе в светлые шестнадцать сильный голос солиста из непотопляемой в песках времён группы конца позапрошлого века. Начало восхождения будет пугать тебя замёрзшими трупами тех, кто не сумел пройти свой путь, и их скрюченные тела с застывшими лицами расскажут тебе о том, как трудно верить в свет, когда вокруг тьма, и как одинока смерть, когда некому взять тебя за руку. А потом на снежном полотне перед тобой разом исчезнут все следы – и человечьи, и звериные, предоставляя тебе самостоятельно выбирать, где останется отпечаток твоей узкой ступни, а какая ложбинка станет местом для ночлега, и на правом плече у тебя будет сидеть ангел, поющий гимн вере в собственные силы, а на левом – бес, шепчущий про то, что если сорвёшься в пропасть, винить во время гибельного полёта будет некого, кроме себя самой. А позади, в золотом тепле плодородной долины, останутся те, у кого хватало желания, да не хватило духу пойти с тобой, потому они утоляют свою горечь, как могут, пытаясь оплевать в спину и тебя, и твой выбор. А впереди – снег, снег, серый снежный ветер, и за колкой пеленой, бьющей по щекам – ты знаешь это из своих коротких снов – такое солнце, которого никогда не увидишь оттуда, из долины. А может быть, и нет никакого солнца, всё это враки, но ты ползёшь вверх, теряя силы, матерясь от боли и плача от отчаяния, упрямо повторяя: «Не останавливаться. Не оглядываться... вперёд», и руки твои с каждым взятым метром становятся сильнее, и перед самой вершиной падает в узкое ущелье отошавший бес, которого ты морила голодом, тогда как ангел, вскормленный твоей верой в избранный путь, вдруг взмывает в воздух и, опробовав силу расправленных крыльев, хватает тебя за руку и единым рывком добрасывает до вершины. И ты стоишь, смеясь и плача, прислонившись лбом к искристому боку солнца, которое никогда не признало бы тебя ровней там, в долине, а ветер смахивает твои слёзы и превращает их в сверкающие кристаллики, из которых складывается едва заметная в ослепительной снежной белизне фраза. «Делай, что хочешь, и будь, что будет». Это значит – тебе более не страшны ночные страхи, терзающие тех, кто всю жизнь прожил в долине,

бросая на гору лишь короткий взгляд в промежутке между бесконечным ковырянием в жалком клочке своей земли. Это значит – бетонные стены чужих правил, созданных в попытке укрыться от радиоволн, летящих в эфире на запрещённой частоте, станут для тебя не более чем хлипкими оградками высотой по колено, а все злые слова и паутинные сети чужих сплетен не пробьют чистого света твоей новой одежды, не прилипнут к твоим рукам и волосам, летящим по ветру. Это значит – ты вернула себе потерянную способность слышать голос собственного сердца, сбросив с него тесную стальную броню рассудочного самоконтроля и бумажную шелуху чужих предписаний. Это значит – ты стала тонкой и прозрачной, как льдинка, как абсолютный ноль чистого листа, ты живёшь в режиме чтения, одним днём, одним вдохом и выдохом, просеивая длинной чёлкой разноцветные потоки безымянных рек, и жизнь течёт сквозь тебя электрическим током, не встречая ни малейшего сопротивления, а потому отдаёт тебе всю свою полноводную силу, прося взамен не так уж много и не так уж мало: не привязываться к любимым местам, временам и людям. Привяжешься – смерть, словно акуле, которая может дышать, только когда плавёт. Секундная задержка – и ты уже опутан прочной сетью чужих «Если любишь меня, ты должен...», с привязанным грузилом «Ты обманул мои ожидания».

Линь судорожно изогнулась, закинув лицо к небу, и глухо завывала, выдирая тонкими пальцами крапивный куст, но кажется, даже не почувствовала жжения на коже.

Ты уже сделала выбор, девочка, оставив свой отпечаток пальца в терминале регистрации брака, ты запустила новую программу, перед релизом которой не было и не могло быть контрольного тестирования, и теперь её алгоритм развернулся на мониторе широким змеиным кольцом, открывая подменю с пустым текстовым окошком и очередным нехитрым выбором – написать код отладки или код отмены. И, чёрт подери, Линь, для первого у тебя не хватает пресловутых знаний, умений и навыков, а для второго – элементарного «достойного» повода со стороны супруга. Можно, конечно, и самой пойти во все тяжкие, позволить себе себя настоящую, чтоб Антон прогнал тебя с видом оскорблённого до глубин души ангела, не замарав собственной совести, как умудрялся не замарать её, насмехаясь надо всем, что было для тебя ценным, а ему казалось пустой тратой времени и сил, но разве он заслужил от тебя такого удара... А, впрочем, вспомни, дорогая, сколько раз ваши с ним прогулки превращались в марафон «догони длиннотного супруга», и нырни на уровень скрытого смысла, где расшифровка мужниного поведения не заставит себя ждать и прозвучит как «вот привязалась-то, как собачка» или, чего доброго, «я её боюсь и хочу держаться подальше...»

– Да будь что будет, – замученно прошептала Линь, проваливаясь в какое-то странное спасительное забытие на грани транса, и незаметно для себя задремала в высокой траве, на узкой полосе волшебного леса, чудом устоявшего под стальным напором железной дороги и газовой атакой автомобильного шоссе.

Программа «Антимат», установленная на почтовом сервере стараниями Государственного Этического комитета, просканировала нетерпеливого белого голубя очередного письма, и, не найдя в нём ничего, достойного зацепки, с сожалением выпустила на свободу.

from: _thunderbird_

to: Salamander

Забирай эту пиццалку и засунь её себе в свитер. вынос мозга. снял с неё всё что мог..

Восстания, 53. 6 этаж.. сегодня с двенадцати.

– Мне срочно в город, – выдал Санька, едва не поперхнувшись утренним кофе, и под тяжелым взглядом Ангелины Павловны вымелся из колпинской квартиры за считанные

минуты. Как же ты вовремя, Буревестник. Прямо в разгар игры «ничего не случилось, и жена вовсе не ушла мужа с работы перед самой свадьбой дочери». Нет, мне не сложно нацепить на лицо маску вселенского спокойствия, особенно после бессонной ночи, потраченной на...

– Дверь на нижний замок закрой! – ударило в спину.

Санька хлопнул дверью. Тысячу раз или тысячу тысяч я уходил из этой квартиры под один и тот же крик. Почему мне вдруг померещилось, что я вырвался из замкнутого круга? Выход из матрицы? Нет. Жизнь продолжается по укладу Святцевой. Только меня в этой ее жизни стало сегодня чуть меньше. Не выход, так хотя бы шаг к заветной двери, как знать...

На лестничной клетке было накурено. Лучшая атмосфера, чтобы отдышаться и прийти в себя. Странно, но вырос Санька в некурящей семье, сам никогда не брал в рот сигареты, но полное отторжение сигаретного дыма в нем исчезло еще в школе. Просто в один прекрасный солнечный день он увидел, как старшеклассники зажали в углу молоденького пацана и без особых причин показали ему небо в алмазах. А на следующей перемене этот пацан, избитый до крови, заныкавшись под куст сирени, нервно курил сигарету. Тогда Санька и понял, что не всегда это просто блажь, а гораздо чаще – способ остаться в этом мире. Ну а уж научиться получать удовольствие от того, что ты в не силах или не вправе изменить... О, в этом Александр Валько был мастером. И на чужой сигаретный дым он никогда нос не морщил.

«А Восстания – это самый центр, между прочим», – подумал Санька, топая к остановке. Да, это вам не деревня Колпино, Петербург-12. Но Заневский, насколько он помнил, еще в институте имел репутацию «местного не из бедных». Папы-депутата, конечно, не было, но в коридорах девки шушукались о трехкомнатной квартире в центре, куче теток с недвижимостью и даче в Комарово. Однако все пять лет учебы Кирька жил в общежитии, меняя соседей по комнате, как перчатки. Санька открестился от этой чести сразу. Черт его знает, этого Буревестника. Люди от него съезжали или ошарашенно-задумчивые, или готовые убивать. Его или других людей.

И снова дорога в центр, полчаса в метро. Пересадка, чтоб попасть на Чернышевскую, прямо Кирьке под окна. «Нет, каждый день так мотаться на работу я не выдержу», – подумал Санька, выходя с Чернышевской и ловя волну теплого воздуха с креозотным наполнением и легкой ноткой Невы. Впрочем, сам Валько уже давно отдавал себе отчет, что стэнд и это НИИ, где он завяз уже больше чем десять лет назад, – самое настоящее болото. И не поймешь, что держит. Наверно, страх. Страх того, что над поверхностью мутной жижи не будет и этой жалкой иллюзии нужности, которая есть сейчас.

У двери в квартиру Заневского Санька замешкался. Секунды тянулись долго. Санька все ждал, пока сенсорный замок выдаст гостевую метку и переведет запрос на вход в голосовое управление, но вместо этого вдруг раздался щелчок, и между дверью и стеной появилась тускло светящаяся щель. Вот те раз... Санька вздрогнул, но все-таки толкнул дверь и вошел в квартиру. А теперь, внимание, вопрос: откуда у Буревестника мои отпечатки пальцев и почему они вбиты в память замка как хозяйские?

Мысленно запихнув последнее в графы «опционально» и «на десерт», Санька стянул ботинки в пустой прихожей, присовокупив свою потрепанную грязную пару к ряду хозяйских кроссовок всех оттенков белого и серебра. Буревестник всегда был крут и немного пижон. Видимо, даже с годами это не прошло.

Впрочем, Санька и сам был не лыком шит и почти всю ночь собирал по старым знакомым максимум информации о том, к кому шел. Это первая встреча в кафе могла пройти на автопилоте с программой «встретились как-то раз два старых недруга», а дальше надо было готовиться куда тщательней. И, похоже, Буревестник оказался повенчан с компьютерами и иже с ними. Был женат, развелся несколько лет назад, детей вроде бы не было... Работал во фрилансе, срубал немалые деньги за виртуозное восстановление данных и, как говорили многие, не чурался и грязных дел с астрономическими суммами на чеках. «Однако, ни разу

не попался», – сделал себе зарубку Санька. И это тоже был показатель. Взять Буревестника за грудки еще никому не удалось. Санька хмыкнул. Даже жене, видимо.

Ему навстречу из дальней комнаты выскользнула маленькая пушистая тень и сверкнула на гостя зелеными глазами. На автопилоте выдав неуверенное «кс-кс-кс», Санька получил свою порцию кошачьего мата в виде шипения и прижатых к голове ушей, после чего представитель семейства кошачьих растворился в тенях коридора.

Кирилл Заневский оказался занят. Небрежно махнув Саньке на кресло, заваленное развороченным околокомпьютерным железом, и кровать, не менее развороченную, с одеялом, сбитым так, что каждый судил об этом в меру своей испорченности, он снова отвернулся к компу. Беседа на птичьем языке, из которого кирькин гость понимал лишь отдельные слова, возобновилась.

Санька, не воспользовавшись приглашением, молча нарезал круги по комнате. Тщательно взращиваемая способность ничему не удивляться и сохранять вид истукана с острова Пасхи – единственная возможность выжить с Ангелиной Павловной, сейчас вопила благим матом, что снова надо было договариваться о встрече на нейтральной территории, хоть в том же Севере, а не в этом бардаке гнезда фрилансера. Но прагматик быстро возразил, что вся специальная аппаратура, необходимая Буревестнику для его «интереса ради и практики для» если где и существует, то только здесь.

Укравкой оглянувшись и утвердившись в мысли, что хозяин комнаты за ним не наблюдает, Санька осторожно перебрался через кресло к шкафу, на створке которого висела длинная бумажная простыня со строчками в столбик. Стихи? Но Буревестник никогда не писал стихов. Санька хмыкнул – или я все-таки чего-то о тебе не знаю, Кирилл Заневский? Ведь если быть честным, я в институте знал каждый твой шаг, каждую твою новую страсть, залипшую на вороные волосы по плечи и серебряные кроссовки, а уж копия твоей зачетки и вовсе была моей настольной книгой, где красным подчеркивались все специальные дисциплины. Их ты брал играючи, я – тяжелым штурмом. Но стихов во всей этой круговерти не было.

Над седой водой транскода ветер байты собирает.
Между сервером и сайтом гордо реет Буревестник,
чёрной молнии подобный.

Санька неэстетично выпучил глаза и едва поймал падающую челюсть. Стремление не удивляться издало предсмертный хрип и издохло на задворках сознания. Транскод. Значит, вот каков ты, Буревестник. Не бросил старые забавы... А ведь транскод уже давно как запрещен, старик.

То крылом «F5» касаясь, то стрелой взмывая к логам,
он кричит, и – Город слышит радость в смелом крике птицы.
В этом крике – жажда взлома!

Ну это ж надо... Санька едва слышно хмыкнул, вдруг искренне пожалев, что не послушался в свое время дочку и не вживил себе гугл-глаз: мог бы сфоткать на память эти показательные показания в виршах. Горький в гробу перевернулся, наверно.

Силу «Ctrl-alt-delete» и уверенность в победе
слышит Город в этом крике.
Нубы стонут перед взломом, – стонут, мечутся по тэгам
и на жёсткий диск готовы спрятать все свои пароли.
И админы тоже стонут, – им, админам, недоступен

кайф узреть «экраны смерти»: «Hard reset» их всех пугает.
Линуксоид робко прячет тело жирное в утёсах...
Только гордый Буревестник реет смело и свободно
над просторами транскода!

Воспоминания накрыли Саньку с головой. Запредельный полет в транскоде под звездами активных подключений, погоня тех самых админов, фиксирующих каждый их поворот, каждый новый порт, сумасшедшая скорость соединения... Буревестник вел всю горе-компанию хакеров-пятикурсников, играючи уворачиваясь от стрел-запросов адреса атакующего, со смехом кричал, перекрывая шум ветра в ушах: «Посмотрите направо – здание службы безопасности... Все там будем, девочки!» В ту хакерскую атаку Саньку взяли только потому, что он узнал о ней сам и намекнул участникам о своей осведомленности. Санька не был шестеркой, не пошел бы в деканат, если б его не приняли в команду... Но репутация отличника как самого «правильного» человека на свете – страшная штука. Они испугались и уговорили Буревестника взять Александра Валько на дело. Уже не важно, какой именно сервер они хакнули, но это Кирькино «любая дверь, на выход и чистите логи» до сих пор иногда догоняло во сне.

Все мрачнее антивирус опускается над птицей,
и поёт, и рвётся «эхо», выдавая строки текста.
Хард грохочет. От запросов стонут гейты,
с пингом споря. Не выдерживает сервер стаи волн
и ddos-атака пробивает ход с размаху в корневые каталоги,
разбивая в пыль и брызги все админские защиты.
Буревестник с криком реет, чёрной молнии подобный,
как стрела пронзает базу, скрытый файл крылом срывает.
Вот он носится, как демон, – гордый, чёрный демон взлома, —
и смеётся, и рыдает... Над админом он смеётся, и над юзером рыдает!
В вое дисков, – чуткий хакер, – он давно усталость слышит,
близок перегрев системы, грянет переустановка!
Кулер воет... Хард грохочет...
Синим пламенем пылают сервера на горизонте.
Город ловит стрелы молний, USB-порты сжигая.
Кнопка «Пуск» не отвечает, форматируется сектор,
падает диспетчер файлов.
– Буря! Скоро грянет буря!
Это смелый Буревестник гордо рушит фаерволлы
над реющим ру. пространством; то кричит пророк свободы:
– Пусть сильнее грянет буря!..

Оставшуюся часть переписанной в контекст современного мира поэмы Санька проглотил залпом, зацепившись взглядом только за «пророка свободы». О, с чувством справедливости у Кирьки никогда проблем не возникало. И да, тот сервер, который они взломали всем кагалом, кажется, принадлежал министерству образования, которое как раз тогда собиралось ввести определение профпригодности не по оценкам в таблице, а по психологическим тестам. Профпригодность. Оптимизация кадров. Вечная тема, ей-богу.

– А это твой новый друг, что ли? – прозвучал вдруг на всю комнату чуть механический голос из динамиков. – По стареньким пошел, Буревестник?

Санька затравленно оглянулся. Птичий разговор оказался с видеосвязью, и чуть сдвинувшаяся в сторону узкая спина Кирьки открыла собеседнику обзор на полкомнаты.

– О-о-о... – протянул тот же голос, пока согнувшийся от смеха Кирька сползал со стула, а Санька перебирался через кресло обратно, на свободное пространство. – Ну, хоть бы постель за собой поправили, мальчики...

– Прекрати, Ян, – простонал Кирька и, с трудом дотянувшись до клавиатуры, с размаху ударил кнопку сброса.

Санька столбом стоял посреди комнаты, медленно закипая от ярости. Не надо было быть особенно зрячим, чтобы понять – давнее желание удавить Буревестника за все старые грехи, в числе которых «зашкаливающая крутость» стояла на первом месте, сейчас дополнилось новым и более весомым аргументом... Да что этот его дружок имел в виду вообще? Мальчики? Постель за собой убрали?! Нет дыма без огня, но тебя, Буревестник, за что-то же бросила жена...

Кирька даже и не думал подниматься с пола. Смотрел на своего гостя снизу вверх, запрокинув голову и жестко прищулив свои чуть зеленоватые глаза, словно на харде считал битые сектора.

– Это коллега из Нидерландов, – тихо объяснил он, не дожидаясь вопроса. – У них там с этим проще как-то... Давно уже. Он все превратно понял. Извини, Саня.

Санька выдохнул. Весь тщательно построенный разговор полетел к чертям.

– А теперь к делу, – выдохнул Кирька, вставая, как столетний дед с врожденным ревматизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.